

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПРОГНОЗ СТРАТЕГИЙ СТРАН
ТРАНСТИХООКЕАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Под редакцией
акад В.В. Михеева,
к.э.н. В.Г. Швыдко

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 327(5)(7/9)
ББК 66.2(5)(7)
Прог 783

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензент: к.и.н. С.В. Уянаев

Под редакцией академика РАН В.В. Михеева, к.э.н. В.Г. Швыдко
Прог 783

Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / Под ред.
В.В. Михеева, В.Г. Швыдко – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 83 с.
ISBN 978-5-9535-0510-9
DOI:10.20542/978-5-9535-0510-9

Доклад посвящен анализу интеллектуального фона выработки основ внутренней и внешней политики основных стран тихоокеанского региона на длительную перспективу. Наряду с обзором важнейших концепций, лежащих в основе долгосрочной политики этих стран, авторы делают предположения о возможной модификации этих концепций в будущем и появлении новых теоретических положений, определяющих практические шаги государств региона.

Predicting Future Strategies of Pacific Countries / Mikheev V., Shvydko V., ed. – Moscow, IMEMO, 2017. – 83 p.
ISBN 978-5-9535-0510-9
DOI:10.20542/978-5-9535-0510-9

The report analyses intellectual background of the long-term framework of internal and foreign policy of major countries in the Pacific region. While presenting an overview of the key concepts underpinning long-term policies of these countries, the authors also make assumptions about possible modification of these concepts in the future and the emergence of new theoretical positions defining practical steps to be taken by the regional powers.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0510-9

© ИМЭМО РАН, 2017

Оглавление

Оглавление.....	3
ВВЕДЕНИЕ	4
КИТАЙ.....	8
КОРЕЯ.....	33
ЯПОНИЯ.....	42
АТЭС	49
АСЕАН.....	55
США В АТР	63
ВЫВОДЫ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа представляет собой продолжение изучения роли «умной силы» (*силы идей и концепций*) в обеспечении и стимулировании развития стран транстихоокеанского пространства.

Предметом исследования в нашем случае являются общегосударственные стратегии стран этого региона, одобренные политическими элитами или пока еще только формулируемые экспертами, которые (стратегии) рассматриваются нами, во-первых, как *реакция* на наиболее острые проблемы развития тех или иных стран. И, во-вторых, как *средство реализации политических и экономических амбиций* их элит – *претензии на лидерство, создание многосторонних форматов, решение региональных проблем и т.п.* Говоря бытовым языком, мы хотим представить, что будут делать страны АТР, когда у них получится или не получится сделать то, что они хотят сделать сейчас.

Основная цель исследования – получение инструментов для своего рода «стратегического инжиниринга», т.е. оказания влияния на экспертное, а в итоге и на государственное мышление в странах транстихоокеанского пространства (*для его обозначения в дальнейшем мы также используем аббревиатуру АТР*) в желательном направлении через использование «умной силы», так называемых «2-й и 1,5-й дорожек (треков)» международного общения и др. Другой целью является выработка предложений по корректировке российских стратегий на азиатско-тихоокеанском направлении в ответ на то, как будут разрабатываться и реализовываться стратегии других стран.

Избранный нами период прогнозирования составляет 10-15 лет.

Основные задачи исследования формулируются следующим образом:

- анализ реализуемых (уже принятых политическим руководством) или обсуждаемых на экспертном уровне внешнеполитических, внутривнутриполитических и экономических стратегий стран АТР. При этом достигается понимание того, на решение каких именно задач и реализацию каких именно амбиций нацелены уже

разработанные стратегии, какие дискуссии идут в профессиональном сообществе, что может появиться на этом направлении в будущем, исходя из ситуации в стране и в интеллектуальном пространстве;

- прогноз будущих национальных и региональных стратегий на среднесрочную перспективу, включающий оценку степени их реализуемости, устойчивости в следовании принятым решениям, варианты корректировки стратегий в процессе их претворения в действительность, и, наконец, отказ от избранного пути и выход на новые векторы развития;
- сравнение складывающейся ситуации в «полях исследования» с точки зрения **доктринальной активности** – т.е. прогноз того, где следует ожидать появления новых концепций, а где ситуация будет оставаться неизменной;
- **Сверхзадача** формулируется как прогноз появления пока еще даже не обозначенных в экспертном и политическом пространстве стратегий развития стран АТР. Тем самым, если такое удастся сделать, мы получаем возможность подтолкнуть региональную политическую мысль в направлении к новым, более выгодным нам будущим стратегиям развития стран или подходам к решению региональных проблем.

Применительно к России мы постараемся, во-первых, сформулировать иерархию зон интересов России, т.е. определить, где России необходимо поторопиться с реакцией на происходящее, где можно подождать с идейной и практической активностью, а где рациональнее в течение среднесрочного периода не проявлять инициативы, а просто наблюдать за развитием ситуации. Во-вторых, дать прогноз того, какие ожидания и опасения существуют для России в свете доминирующих в АТР стратегий развития и возможных их корректировок. В-третьих, высказать предложения относительно политики России в АТР в свете прогноза стратегий развития региона, с тем чтобы формировать восприятие регионом России как полезного и ответственного игрока.

Поля исследования складываются из следующих стран и группировок:

- **Китай:** внешние и внутренние стратегии, включая «Шелковый путь» и «морской Шелковый путь», зоны свободной торговли в форматах СВА-3, КНР+АСЕАН, Региональное всестороннее экономическое партнерство и др., а также экономические и внутривластные стратегии.

- **Корея:** стратегии ядерного разоружения и объединения.

- **Япония:** внешнеполитические цели Токио в регионе и мире и экономические концепции.

- **АТЭС:** стратегии формирования региональных и субрегиональных зон свободной торговли и политическое будущее азиатско-тихоокеанских институтов.

- **АСЕАН:** политическое будущее АСЕАН и роль АСЕАН на Транстихоокеанском пространстве безопасности.

- **США в АТР:** последствия выхода из ТТП, судьба «поворота в Азию» и др.

В качестве примера того, как «умная сила» может повлиять на стратегии будущего, можно привести идею китайского экономиста Линь Ифу – профессора Пекинского университета, бывшего главного экономиста Всемирного банка, – о китайско-американском партнерстве в развитии мировой инфраструктуры, высказанную им на форуме "Экономические перспективы Китая в 2017 году", организованном в начале 2017 г. Национальным комитетом по американо-китайским отношениям и Исследовательским центром экономики Китая при Пекинском университете. Линь Ифу связал большой, по его мнению, «интерес» президента США Трампа к «строительству инфраструктуры для достижения экономического роста», и китайскую «инициативу "Один пояс, один путь"», которая, по мнению проф. Ли, «состоит в продвижении экономического развития путем строительства инфраструктуры». Исходя из этого, китайский ученый высказал предположение о будущем взаимодействии в развитии глобальной инфраструктуры Китая и США, которые, как полагает китайский

ученый, «обладают огромным потенциалом сотрудничества в данной сфере».

Настоящая работа подготовлена в Центре азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) им. Е.М. Примакова авторским коллективом в составе к.э.н. Борох О.Н., к.полит.н. Вода К.Р., Давыдова О.В., Игнатъева С.В., д.и.н. Канаева Е.А., д.и.н. Ломанова А.В., к.э.н. Луконина С.А., д.э.н. Федоровского А.Н., к.э.н. Швыдко В.Г.

Руководитель авторского коллектива – академик РАН В.В. Михеев.

КИТАЙ

Стратегия глобального лидерства

В среднесрочной перспективе внешняя политика Китая будет строиться вокруг темы глобального лидерства. В этом состоит поворот от прежней главной внешнеполитической темы КНР – обеспечения благоприятных международных условий для внутреннего экономического развития Китая. Данная традиционная тема, конечно, сохранится в арсенале дипломатических задач, однако баланс будет смещаться в сторону темы лидерства.

Своего рода точкой отсчета этого поворота можно считать выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Давосе в январе 2017 г., где китайский лидер заявил о Китае как «лидере глобализации и борьбы с протекционизмом». В среднесрочной перспективе именно через призму новой темы лидерства будут формироваться отношения Китая с мировыми лидерами и будут вырабатываться его подходы к мировым и региональным проблемам.

Китай будет укреплять основы своего лидерства с неодинаковой степенью интенсивности и успешности.

Приоритет в планах и наибольший результат будет отдаваться «жесткой силе» – стратегической мощи государства, включая ее экономическую, военную, финансовую, инновационную составляющие. В 10–15-летней перспективе Китай по объему экономики приблизится к США и ЕС, значительно превзойдя Японию. В плане военной мощи он закрепится на третьей позиции после США и России. В мировой финансовой иерархии он приблизится к 5-ой позиции (после США и ЕС, и далее – Великобритании, Японии и Швейцарии). Примерно на этом же уровне окажутся инновационные возможности Китая.

Значительно медленнее будут формироваться предпосылки лидерства Китая в мире «мягкой силы». Китайская социально-политическая модель, в которой сохранится противоречие между быстрой «маркетизацией» экономики и открытостью общества, с одной стороны, и медленной демократизацией и деbüroкратизацией – с другой, не станет глобально притягательной.

С этим связана и пробуксовка по третьей составляющей лидерства – т.н. «умной силы». Китаю пока не удастся предложить мировому сообществу нечто действительно значимое в доктринальном плане. Стратегическая проблема Китая состоит в том, что свое лидерство он может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами, а не в противодействии им. Чтобы иметь успех Китай должен будет предлагать новые идеи, приемлемые для остального мира, и вряд ли ему удастся найти таковые вне рыночного и демократического поля.

Однако сегодня китайское руководство считает, что время для политической реформы не пришло, хотя и понимает, что без неё амбиции глобального лидерства реализовать не получится. Отсутствие современной демократической политической системы является своего рода «негативным преимуществом», то есть уязвимостью Китая в его конкуренции за лидерство с другими странами. Поэтому в среднесрочной перспективе Китаю придется столкнуться с дилеммой – либо идти на демократические преобразования, либо заморозить свои глобальные лидерские амбиции.

С разной степенью успешности будет проходить поиск союзников в обеспечении китайского лидерства. В военно-политическом поле Китай не пойдет на союзы с другими мировыми лидерами, опасаясь попасть в положение ведомого. Он будет воздерживаться от союзов со слабыми, понимая, что таковые потребуют больших финансовых вливаний и с подозрительностью будут восприниматься развитым миром с плохими имиджевыми последствиями для Китая.

Китай будет работать под давлением двух противоречащих друг другу целей мирового лидерства – доминирования и ответственности. Доминирование отталкивает подозрительных и рождает потребность противодействовать. Ответственность привлекательна, но сопряжена с рисками торможения реализации собственных интересов и соответствующими финансовыми, политическими и другими национальными потерями (хотя и во имя возможных будущих приобретений общемировых успехов). При этом у Пекина нет ясного понимания существа проблемы: ответственность за что, каковы ее пределы, каковы пределы платы за ответственное поведение и т.д.

В свете сказанного можно предположить, что в ближайшие 10-15 лет Китай не сможет стать глобальным лидером нового века. Вместе с тем по отдельным векторам и в отдельных нишах мировой экономики и политики Китай таким или иным образом уже является лидером – просто в силу масштабов своей экономики и численности населения.

Механизмы осуществления китайского лидерства включают глобальные и региональные составляющие.

Глобальные политические механизмы пока явно недостаточно прописаны. В поисках конкретной привлекательной идеи для мира Китай ограничивается общими заявлениями о построении «мира с общей судьбой». При этом малопонятна сама концепция данного предложения – может ли быть общей судьба бедных и богатых стран; стран, поддерживающих террористов, стран-изгоев и т.н. «нормальных стран»?

Главным стратегическим экономическим инструментом продвижения интересов Китая является концепция «Один пояс, один путь», основная цель которой состоит в том, чтобы за счет инвестиций в мировую инфраструктуру создать площадку для выхода китайского капитала и китайских товаров за рубеж, а также загрузить китайские мощности в условиях, когда внутренний спрос не обеспечивает полного спроса на производимую продукцию.

Однако финансовая подпитка этого проекта выглядит недостаточной. Ресурсов трех важнейших источников финансирования – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонда «Шелкового пути» и Банка развития БРИКС может быть недостаточно для обеспечения растущих инвестиционных потребностей проекта по мере его распространения на новые регионы мира. Китай вносит коррективы в осуществление этой стратегии, переходя от спонсирования «бедных» к привлечению к совместной работе по «Шелковому пути» капитала «богатых» развитых стран.

Региональные экономические механизмы также претерпевают изменения. Выход США из соглашения о ТТП повысил спрос на китайское лидерство в регионе. Первой реакцией Пекина стал возврат к забытой было идее ЗСТ в рамках АТЭС в целом, что, впрочем, потребует участия США. Другое направление поисков – создание Регионального всестороннего экономического партнерства (РВЭП) на

базе ЗСТ Китая и АСЕАН, где сохраняются серьезные глубинные опасения по поводу негативных политических последствий китайской экономической экспансии. Третье направление – активизация переговоров по ЗСТ в формате СВА-3 (Япония и Южная Корея), которые продолжают тормозиться из-за китайско-японских и южнокорейско-японских территориальных и историко-политических противоречий.

Новым моментом может стать обозначенный Китаем осторожный интерес к участию в ТТП без США при сотрудничестве со странами-подписантами соглашения, которые не хотят отказываться от идеи в целом. Однако здесь Китай пока только присматривается к возможности взять на себя роль лидера – хотя именно вариант замены ТТП с США на ТТП без США может прогнозироваться как будущая стратегия Пекина.

В плане региональных политических механизмов лидерства Пекин традиционно концентрируется на проблемах Южно-Китайского моря и Северной Кореи. Однако здесь Китаю еще только предстоит выступить с работающими политическими предложениями, способными разрешить кризисные ситуации.

Можно предположить, что по мере реализации стратегии «Шелкового пути» Китай будет, используя необходимость обеспечения безопасности проекта, будет усиливать военный фактор лидерства. Модернизация вооруженных сил, включая ракетно-ядерный комплекс, космические войска, военно-морской флот, работу по обеспечению кибербезопасности, создание военно-морских баз в Южной Азии, Африке, на Ближнем Востоке, безусловно, усиливает региональные и глобальные военные позиции Китая. В то же время это усиливает подозрения в отношении Китая стран АСЕАН, Индии и Японии, подрывая тем самым китайские притязание на ответственное и выгодное другим странам лидерство.

Китай все более активно использует пропагандистские механизмы обеспечения лидерства. Китай утверждает, что усиление его ядерной мощи и военно-морских сил «не несет никому угроз», что это происходит на фоне общего сокращения вооружённых сил на 300 тыс. человек, а ежегодный прирост военных расходов остается ниже 10-процентной отметки (7%).

Китайские СМИ подчеркивают, что замедление экономики (до 6,7% в 2016 г. и 6,5% в 2017 г.) не опасно для мира – Китай продолжает оставаться главным источником роста мировой экономики, обеспечивая треть прироста мирового ВВП. Что Китай будет продолжать реформы, в частности расширяя доступ иностранного бизнеса в китайскую экономику, включая китайский фондовый рынок. Что стратегия Шелкового пути имеет глобальный характер и полезна для всей мировой экономики и т.д.

Однако для подтверждения результативности такого рода тезисов требуется конкретные, заметные для мира и при этом длительные успехи в практической экономической активности Китая.

Новым фактором обеспечения лидерства Китая после прихода к власти в США администрации Трампа стали американо-китайские отношения. Несмотря на глубокие и стратегические разногласия между Китаем и США по многим вопросам мировой повестки дня, Вашингтон по-прежнему остается главным, пусть и конкурентным партнером Китая в работе по обеспечению китайского глобального лидерства. Первый китайско-американский саммит в апреле 2017 г. не привел к прорывам в двусторонних отношениях. Однако стратегически важным его итогом стало создание новой инфраструктуры и новой атмосферы в отношениях Пекина и американской администрации, в том числе во взаимодействии по поводу Северной Кореи. От дальнейшей динамики и реального сотрудничества сторон будет зависеть, станет ли партнерство Пекина и Вашингтона действительно значимой основой китайского лидерства.

Заглядывая за 10-15-летний горизонт и отталкиваясь от сделанного выше вывода о том, что в среднесрочной перспективе Китаю не удастся стать мировым лидером, можно, тем не менее, предположить, что в Китае не произойдет смены стратегии, нацеленной на мировое лидерство. Заявленные долгосрочные цели сохранятся.

Не будет пересмотрен и нынешний курс на укрепление и расширение на рыночной основе своих позиций в мире «жесткой силы» при медленном «реформировании без реформ» мира политики и идей. Отказ от формирования военно-политических союзов будет сохранен, поскольку ориентация на создание таковых будет, в восприятии китайского руководства, подрывать нейтральный, или

«всеполезный» имидж китайского лидерства. В то же время можно ожидать, что упрочатся отношения с США в качестве одной из основ китайского лидерства.

На этом фоне может возникнуть ощущение относительного ослабления китайско-российского партнерства – как неглавного, хотя и существенного в китайском понимании фактора лидерства Китая.

Вместе с тем, потребность в глобальном лидерстве будет по-прежнему носить подчиненный внутренним задачам развития Китая характер. Потребность нести ответственность за «мировую судьбу» (в понимании ее как ответственности за мировое развитие на рыночно-демократической и безопасной, в плане борьбы с терроризмом и в плане климатических изменений, основе) не станет фокусом внешнеполитической активности Китая. И пока подобная иерархия целей будет сохраняться, не произойдет значимых изменений в мирах «мягкой» и «умной» силы как обязательных основах китайского лидерства.

Для появления новой стратегии лидерства потребуется внутренний толчок на поле политических и идеологических реформ. Однако этому будет препятствовать главный тормоз в политико-идеологическом мире – боязнь КПК потерять монополию на власть.

Взаимозависимость претензий на глобальное лидерство и боязни потери внутривластной монополии будет проявляться в следующем варианте.

Потребность в глобальном лидерстве, для которого недостаточно одной жесткой силы, будет требовать демократических и идеологических трансформаций в мире «мягкой» и «умной» силы. Однако подобные трансформации в глазах нынешнего китайского руководства будут создавать угрозы его монополии на власть.

Запрос на мировое лидерство будет по нарастающей создавать запрос на политические реформы, а реализация последнего будет тормозиться опасениями потери политической монополии.

При этом именно потребность в лидерстве и понимание невозможности ее реализации без политических перемен будут подрывать традиционные представления о неизбежности китайского социализма. Аналогично тому, как рыночные реформы устранили социализм в экономике, ориентация на глобальное лидерство будет

требовать отхода от традиционных, советско-маоистских трактовок социализма в политике и идеологии.

Чтобы преодолеть противоречие между запросом на мировое лидерство и сохранением внутривластной монополии, потребуется приход нового поколения руководителей с иными политическими потребностями – руководителей, которые будут готовы формулировать национальные интересы и вытекающие из них задачи в глобальном контексте и прагматически понимать, что без «мягкой» и «умной» силы одной жесткой силы Китая недостаточно для осуществления лидерских планов. Можно предположить приход такого рода руководителей через одно поколение после Си, за пределами 2030 года.

При этом продвижение приемлемых для мира идей потребует качественного изменения партнерских отношений с США как с одним из основных факторов китайского лидерства. И именно в этом моменте можно прогнозировать формирование новой идеи глобального лидерства как стратегии «партнерского (с США и Западом) лидерства» Китая.

Варианты соотношения компонентов взаимодействия и конкуренции Китая и США, как и скорость внутривластных и идеологических трансформаций в Китае, будут определять темпы перехода к такого рода новому «партнерскому лидерству».

Внутренние и внешние стратегии

После прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпин провозгласил идею «китайской мечты», направленной на «возрождение китайской нации». Помимо общих устремлений к «сильному и богатому государству», «народному счастью» и «национальному возрождению», она включает в себя «две столетние цели».

Ближайшая по времени цель состоит в том, чтобы завершить «всестороннее строительство общества средней зажиточности (*сяокан*)» к важной для легитимности власти юбилейной дате – к 100-летию основания КПК в 2021 г. Материальным критерием достижения поставленной цели является удвоение к 2020 г. по сравнению с 2010 г. размера ВВП страны и среднедушевых доходов населения.

Этот рубеж приблизительно соответствует завершению срока правления Си Цзиньпина на посту партийного лидера в 2022 г. Провозглашенная цель обеспечивать до 2020 г. запланированные темпы экономического роста на уровне 6,5%, как представляется, может быть осуществлена в рамках нынешней экономической политики.

Следующая, более отдаленная во времени программная цель – построить «сильное богатое демократическое цивилизованное гармоничное социалистическое модернизированное государство» к 100-летию образования КНР в 2049 г. Трудно заранее определить сквозные темпы и ориентиры для развития Китая от достижения «первой столетней цели» до «второй столетней цели». Между ними почти три десятилетия, запланировать на весь этот срок единые показатели развития вряд ли возможно.

Можно предположить, что после достижения «первой столетней цели» китайское руководство предложит некую комплексную программу продвижения ко «второй цели». Вероятнее всего, Си Цзиньпин сформулирует ее на XX съезде КПК в 2022 г. Эта программа может охватывать 2020-е и начало 2030-х годов. Ключевым вопросом станет определение экономических ориентиров развития и формулирование контуров новой экономической политики. Китай будет стремиться стать первой экономикой мира: для этого в 2020-е гг. (и, возможно, в последующее десятилетие) ему потребуется поддерживать темпы роста экономики примерно вдвое выше общемировых.

В ближайшие пять лет – от «промежуточного» XIX съезда КПК осенью 2017 г. (Си Цзиньпин и Ли Кэцян остаются, остальные члены постоянного комитета политбюро ЦК меняются) до «переходного» XX съезда осенью 2022 г. (смена высшего руководства) – китайская политика будет основана на базе предыдущего периода (2012–2016 гг.). Отчетный доклад на XIX съезде КПК представит нормативную трактовку достижений предшествующего пятилетия, текущих проблем и основных направлений развития на следующие пять лет.

Си Цзиньпин за время пребывания у власти предложил немало политических новшеств. Во второе пятилетие его правления на первый план выйдут реализация этих инициатив, изучение опыта их осуществления, разработка на этой основе ориентиров будущего

развития. Начиная с 2018 г. в китайских экспертных кругах можно ожидать активизации дискуссий о перспективах развития страны. В 2019 г. должны появиться более определенные планы и предложения в области экономики для формирования плана новой 14-й пятилетки, которая начинается в 2021 г. еще при власти Си Цзиньпина.

Ключевой темой ближайшего пятилетия будет стратегия экономического развития. В нее уже внесены изменения, связанные с замедлением темпов роста китайской экономики и началом проведения глубоких структурных преобразований. В 2014–2015 гг. Си Цзиньпин сформулировал тезисы о наступлении ситуации «новой нормальности» в развитии экономики Китая и необходимости осуществления «структурной реформы предложения».

Осуществляемый ныне 13-й пятилетний план (2016–2020 гг.) разработан с учетом глубоких изменений в экономике Китая и мировой экономике в целом. Признание китайскими властями «новой нормальности» как основополагающей реальности на ближайшие годы заставляет сделать неизбежный вывод о том, что в Китае больше не будет высоких темпов роста. Снижается прежняя важность механизма стимулирования экономики с помощью широкомасштабного кредитования из бюджета.

Китайское руководство и экспертное сообщество настаивают на том, что это не завершение развития китайской экономики, а выход на новый уровень, переход от количества к качеству. На это указывает основополагающая для 13-го пятилетнего плана стратегия «пяти аспектов развития» (инновационное, согласованное, «зеленое» (т.е. экологическое), открытое и общедоступное). Китаю нужно обеспечить инновационный характер экономики, чтобы получить возможность выходить на внешние рынки со своими новыми товарами и новыми идеями. Экономическое благополучие людей становится гарантией обеспечения внутреннего спроса, способного поддержать экономику на фоне снижения внешнего спроса на китайскую продукцию из-за торможения мировой экономики.

Все более важную роль обретает стратегия защиты окружающей среды. На начальных этапах реформы общество могло позволить себе игнорировать эту проблему, наслаждаясь плодами быстрого роста благосостояния. Теперь уровень загрязнения воздуха в Пекине и других крупных городах достиг таких опасных показателей, что

прирост личного богатства горожан уже не может компенсировать им ощущение дискомфорта и тревоги за собственное здоровье и здоровье своих близких. Загрязнение окружающей среды грозит стать препятствием для развития страны, источником недовольства городского населения и, как следствие, размывания легитимности власти.

Китаю предстоит определить оптимальную скорость осуществления «структурной реформы предложения» в экономике. Слишком быстрое и жесткое проведение преобразований способно спровоцировать недовольство в обществе после сокращения избыточных производственных мощностей и увольнения персонала. Напротив, излишнее промедление может привести к дальнейшему накоплению структурных дисбалансов, сохранению проблем в сфере экологии.

Китайские эксперты отмечают, что раньше дешевые факторы производства были важным стимулом для превращения Китая в «мировую фабрику». Теперь бывшие преимущества дешевой рабочей силы и ресурсов быстро сокращаются. В этой ситуации необходимо использовать преимущества открытости, экономика сможет продвигаться вперед только с помощью инноваций.

Переход к инновационной экономике для Китая – это объективный и неизбежный процесс, обусловленный переходом экономики в состояние «новой нормальности». Западная трактовка экономической инновации подчеркивает важность демократизации политической модели. Китай видит путь к инновации вне этой привязки. Он рассчитывает, что успех на этом пути может оказать влияние на развитие мировой экономики и стимулирует появление альтернативных инновационных моделей.

У власти и экспертного сообщества укрепляется понимание своей ответственности за разработку стратегии, поскольку скопировать чужой опыт на данном этапе развития не представляется возможным. Требуется создавать собственную стратегию, опирающуюся на китайскую специфику. Китайским экспертам предстоит не только разрабатывать стратегию, но и научиться гибко адаптировать свои рекомендации к быстро изменяющейся ситуации в мире, овладеть навыками прогнозирования.

Курс власти на серьезную поддержку китайских мозговых центров и выведению их на мировой уровень должен этому способствовать. Руководство сформулировало запрос на создание системы высококачественной экспертизы в 2013 г., когда Си Цзиньпин дал указание создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой». Он распорядился поставить развитие мозговых центров на уровень высоты государственной стратегии и рассматривать их деятельность как важную составную часть «мягкой силы» государства. Исследовательские структуры должны выступать не только поставщиком аналитических материалов для властей страны, но также инструментом влияния на общественное мнение (прежде всего на мнение элит) за пределами Китая. В ноябре 2013 г. в постановлении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва была поставлена задача «усилить строительство мозговых центров нового типа с китайской спецификой, создать прочную систему консультирования при принятии решений».

Проблема в том, что призывы к развитию «мозговых центров» пересекаются с усилиями по укреплению идеологического контроля в высших учебных заведениях и исследовательских центрах. Работа в китайских «мозговых центрах» становится более престижной и более профессиональной, однако открытых дискуссий по серьезным проблемам развития Китая стало меньше.

Внутри страны в 2015–2016 гг. на первое место вышли усилия власти по пропаганде идеологии китайского социализма. Заметное усиление персонализации власти (провозглашение Си Цзиньпина в октябре 2016 г. «ядром ЦК партии») сдерживает, в некоторых китайских оценках, продвижение к демократии на волне экономического роста. Неоконсервативное направление политической динамики будет оставаться в Китае неизменным как минимум до предполагаемого момента смены власти.

Китай подчеркивает уникальность национального пути развития, его соответствие исторически обусловленной специфике страны, отвергает возможность заимствования западной модели развития. Вместе с тем по мере роста экономической мощи Китая и его международного влияния все труднее избежать темы воздействия «китайской модели» на мировые процессы и на выбор пути развития другими странами.

В 2016 г. в преддверии саммита G20 в Ханчжоу в китайском политическом лексиконе утвердилось сочетание «китайский план» (*Чжунго фанъань*). Адресатом этого «плана» является внешний мир. Китайские эксперты обратили внимание, что понятие «китайский план» стало альтернативой рассуждениям иностранных экспертов о «китайской модели», возникшим в период быстрого развития экономики КНР. На официальном уровне в Китае не признают существования обладающей всеобщностью «китайской модели», опасаясь обвинений в стремлении навязать ее другим странам. С другой стороны, Китай накопил богатый опыт успешных преобразований, который служит основой для разработки китайских рекомендаций по реформированию глобального управления. Эти идеи можно назвать «китайским планом», который не содержит жестких предписаний и может быть скорректирован в зависимости от ситуации.

На форуме в Давосе в январе 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что Китай готов принять участие в обсуждении «сбалансированной и выгодной всем модели развития» для всего мира. Си Цзиньпин также дал понять, что Китай готов делиться успехами если не в форме проекции во внешний мир достоинств «китайского пути», то в виде расширения допуска иностранцев к плодам собственного развития.

В начале 1990-х Дэн Сяопин сформулировал консервативную сдержанную стратегию, которая требовала «хладнокровно наблюдать, сохранять свои позиции, сдержанным образом принимать ответные меры, не выставлять свои возможности напоказ, проявить мастерство непритязательности, ни в коем случае не становиться во главе». После прихода к власти Си Цзиньпина Китай все более заметно уходит от стратегии «сокрытия возможностей» и переходит к активной внешнеполитической стратегии. Ее окончательный облик еще не сформировался. Можно предполагать, что к началу 2020-х она станет более структурированной и определенной.

Важным компонентом поиска ответа на вызовы современного мира стало обогащение китайской внешнеполитической стратегии новыми концепциями. Этот процесс развернулся после 2013 г. и еще не завершен. Ключевыми внешнеполитическими концепциями Си Цзиньпина в китайских публикациях обычно называют «сообщество судьбы человечества», «новый тип международных отношений» (или «новый тип отношений между большими государствами») и «Один пояс, один путь».

Укрепление китайской идентичности и внутривластная консолидация позволяют Пекину выступать с собственных позиций по вопросам создания новых мировых правил. Исходя из своих интересов, китайское руководство может выступать в роли защитника свободной торговли и критиковать страны Запада за протекционизм. Китай отказался от радикализма во внутренней политике, в его внешней риторике нет антиглобализационного пафоса, как нет и стремления заигрывать с иностранными популистами и радикалами.

Китай не скрывает желания увеличить свою «дискурсивную власть» в обсуждении мировых проблем. Он готов взять на себя роль выразителя интересов развивающихся стран, не имеющих возможности разговаривать с Западом на равных. Китайские эксперты интенсивно обсуждают вопрос о том, какие аспекты «китайской мудрости» следует привести в обсуждение международных проблем, чтобы Китай получил возможность формировать собственную глобальную повестку и предлагать свои инициативы.

Вскоре после прихода к власти Си Цзиньпин призвал «укреплять стратегическое мышление» и «наращивать способность к созданию стратегии». Практическим воплощением этого указания стало создание Совета государственной безопасности ЦК КПК, призванного взять на себя задачи координации внутренней и внешней политики, «укрепить централизованное единое руководство в области государственной безопасности». Совет начал работу в 2014 г., во главе этой структуры встал лично Си Цзиньпин, что привело к еще большей концентрации полномочий в руках лидера.

Ряд экспертов указывает на «маргинализацию» китайского МИДа и необходимость создания более эффективного механизма отбора и обобщения рекомендаций в области внешней политики. Однако рекомендации по повышению статуса МИД КНР, как правило, сводятся к изменению положения министра во властной иерархии. Возможно, что нынешняя расстановка сил сохранится без изменений, и центр внешнеполитических полномочий останется внутри партийной системы.

Нынешнее китайское руководство часто говорит о необходимости «проектирования сверху» (*динцэн шэцзи*). Первоначально этот тезис относился лишь к экономическим реформам внутри Китая, которые стало невозможно проводить прежним

эмпирическим методом «перехода через реку по камням». После выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» необходимость комплексного «проектирования» стала заметной в сфере внешней политики и внешних экономических связей.

Китай уже высказался относительно того, что он понимает под такого рода «проектированием». В процессе реализации инициативы «Один пояс, один путь» была предложена схема из пяти компонентов. Она предполагает скоординированные усилия по стыковке с политическими решениями других стран в области создания ими экономических союзов, транспортных коридоров и зон развития, налаживанию соединения транспортной инфраструктуры, развитию торговли, активизацию финансовых связей. Сюда же входит т.н. «взаимное соединение людских сердец», то есть развитие связей в гуманитарной сфере. В Пекине рассчитывают, что «способность соединить политику, экономику и гуманитарную сферу в один скоординированный план» может стать не только показателем роста внешней активности Китая, но и «вызовом для других стран, не обладающих возможностью дать столь же оперативный и всесторонний ответ на китайскую инициативу».

Экономический пояс Шелкового пути – цели и риски

Общей целью концепции «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) является стимулирование развития и модернизации китайской экономики. Кроме того, реализация концепции позволит достичь ряд результатов, среди которых выделяются «утилизация» избыточного капитала за пределами страны, создание «дополнительного спроса и дополнительного стимула» для китайских предприятий, обеспечение экономического развития внутренних районов Китая, формирование транзитных торговых путей в Европу (в обход загруженных морских торговых путей) и увеличение роли юаня в мировой финансовой системе.

Основные цели Концепции

Дальнейшие инвестиции в основные фонды внутри страны приведут к усугублению сложившихся дисбалансов, таких как избыточные производственные мощности, ухудшение экологии, рост

корпоративного долга, торможение смены модели экономического развития с «инвестиции + экспорт» на «внутреннее потребление». Таким образом, реализация концепции ЭПШП призвана решить эти проблемы за счет «утилизации» избыточного капитала за пределами страны.

Однако в ходе достижения этой цели китайское правительство столкнется с целым комплексом проблем.

Во-первых, в условиях замедления роста экономического развития существуют барьеры в виде ограничения на вывоз капитала за рубеж.

Во-вторых, сокращение инвестиций в инфраструктурные проекты приводит к высвобождению рабочей силы и, следовательно, к снижению потребления. Все это приводит к замедлению роста строительной отрасли и сопутствующих производств.

В-третьих, китайские провинции, которые своими налогами пополняют доходы государства, вероятно, будут против переноса производств за рубеж.

В-четвертых, антикоррупционная кампания создает условия, при которых происходит фактически замораживание проектов, что может привести к нецелевому расходованию средств.

В-пятых, происходит увеличение корпоративного долга, так как инвестиции осуществляются за счет заемных средств.

В-шестых, жесткие требования при осуществлении проектов за границей, нормативы допустимого соотношения китайского оборудования и финансирования и продукции производителей из других стран в совокупности с нарастающим вывозом капитала оказывают дополнительную негативную нагрузку на курс юаня.

Еще одной проблемой является то, что реализация концепции ЭПШП приводит к созданию дополнительного спроса на продукцию избыточных мощностей, расположенных внутри Китая (металлургическую, цементную, стекольную и др.), тормозя процессы их реформирования, и, одновременно, на «новую» китайскую высокотехнологичную продукцию, в которой остро нуждается стратегия внутренней модернизации.

В то же время без избавления от избыточных мощностей будет происходить культивирование устаревших производств и обострение тормозящей рост эффективности внутренней конкуренции, так как производители будут вынуждены поддерживать низкие цены на продукцию.

Главным остается стратегически важный вопрос – успевает ли китайская промышленность за технологиями, достаточно ли надежна ее продукция? Как мы помним, в Японии «Синкансэн» испытывали в течение десяти лет, а транспорт на магнитной подушке (проект «Маглев») так и не был введен в эксплуатацию.

С другой стороны, стратегия ЭПШП формирует условия, при которых создается дополнительный стимул для реализации программы экспансии китайского бизнеса по схеме «выход вовне». Фактически это подготовка территорий к приходу китайских предприятий: на первом этапе крупных государственных компаний, а на последующих этапах – частных малых и средних предприятий (создание транснациональных производственных цепочек, приобретающих вид: «заказчик (подрядчик) – крупная государственная компания – субподрядчик (частная компания)»).

Однако стратегическая проблема видится в том, что китайский проект воспринимается во многих странах мира как «китаизация» мировой экономики, «экспансия и колониализм со стороны Китая», который пока не может предложить конкретных и приемлемых для остальных стран идей в качестве ориентиров демократии и современного «образа жизни».

Кроме того, китайский малый и средний бизнес не готов к экспансии. Для этого ему не хватает опыта и финансовых средств – в Китае «серьезные» кредиты продолжают выдаваться в основном крупным государственным компаниям.

Частные цели

Помимо основных задач, Китай пытается через инициативу ШП решить и некоторые частные задачи.

Во-первых, обеспечить поддержку экономического развития внутренних районов Китая, прежде всего Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и Внутренней Монголии, за счет создания

рынков сбыта для китайских товаров в этих «транзитных», с точки зрения ЭПШП, регионах.

Однако спрос в отмеченных внутренних районах Китая остается незначительным в силу малой численности проживающего здесь населения. Здесь не требуются в большом количестве высокотехнологичные товары, а объем собственного производства традиционной продукции относительно велик.

Во-вторых, выстроить новые транзитные торговые пути в Европу для менее развитых районов Китая. Проблема, однако, заключается в том, на что способны менее развитые районы Китая в плане поставок на мировые рынки конкурентной продукции, какой будет стоимость перевозок и как это повлияет на изменения в структуре мировой экономики.

В-третьих, за счет реализации стратегии ЭПШП Китай стремится обеспечить интернационализацию юаня и увеличение его доли в мировой финансовой системе. В то же время китайские поставщики неохотно идут на использование юаня во внешнеторговых контрактах, а отдают предпочтение доллару как удобному средству при использовании ухода от налогов.

В целом китайской стратегии ЭПШП не хватает институционального оформления. В стремлении использовать эту инициативу для подтверждения своего лидерства в глобализации Китай сам размывает повестку дня. Постепенно проект ЭПШП превращается в «китайскую мечту», «сообщество с единой судьбой» и т.д. Большая часть китайских партнеров до сих пор не понимает, что такое ЭПШП. Это порождает завышенные ожидания, которые могут смениться «стратегическим разочарованием». Например, представители стран Латинской Америки характеризуют проект «Пояс и путь» («Один пояс, один путь») как «лекарство от всего», если, конечно, «такое вообще может быть».

В настоящее время появляются два четко обозначенных лагеря в отношении к названной концепции: с одной стороны, недостаточно развитые малые страны (например, в Восточной Европе), которые воспринимают китайский проект в качестве источника получения дополнительных инвестиций, с другой – индустриально развитые страны, которые в целом поддерживают проект и даже считают, что

некоторые цели проекта совпадают с Целями мирового развития ООН до 2030 г.

Однако в восприятии и тех, и других непроясненными остаются многие стратегические вопросы. Например, как стремление Китая к поддержке глобализации сочетается с наличием внутренних ограничений внутри страны, таких как ограничения пользования интернетом, регулирование денежного оборота или не преодоленный до сих пор «провинциальный протекционизм» в отношениях между различными районами Китая?

Есть еще одно сомнение. Постепенно со стороны Китая повышаются требования к окупаемости проектов в рамках ЭПШП, в то время как сами китайские власти субсидируют пассажирские и гражданские ж/д перевозки внутри Китая. И здесь пока нет четкого ответа на вопрос, должны ли за рубежом такого типа социально-ориентированные госуслуги окупаться и приносить прибыль, или они все-таки носят благотворительный характер?

В мае 2017 г. в Пекине прошел «Саммит Шелкового пути», который зафиксировал переход этой инициативы в новое качество.

Во-первых, в составе этой инициативе оказались окончательно закреплены политическая и военно-политическая составляющие. Пекин намерен проводить такого рода саммиты раз в два года, создавая тем самым под руководством Китая регулярную «площадку» политического общения с лояльными Пекину мировыми лидерами и участниками проектов. Преимущество такого формата по сравнению с другими (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕАН плюс ..., ВАС и др.) Пекин усматривает в том, что она будет постоянно присутствовать в Китае, а повестка дня встреч высшего и высокого уровня – формироваться Пекином.

Параллельно политической активности Китай продолжает наращивать военно-морскую составляющую своей инициативы. К середине 2017 г. ускоряется создание китайских военно-морских баз в Южно-Китайском море (Бруней), Индийском океане (Гвадар (Пакистан), Шри-Ланка, Мальдивы), в районе Персидского залива (Оман, Джибути). Формально оно направлено на обеспечение военной безопасности Морского Шелкового пути от угроз со стороны пиратов, террористов и т.п. Однако в ряде стран, традиционно не доверяющих Китаю (Индия, Япония, Вьетнам) подобная активность Пекина

воспринимается как заявка на военно-политическое доминирование уже не только в Желтом и Южно-Китайском морях, но и вдали от берегов Китая, уже в глобальном плане.

Во-вторых, меняется сама направленность концепции. Изначально эта инициатива «нового Шелкового пути» рассматривалась как региональный геоэкономический проект, привязанный к Центральной Азии и России, а через них – к Европе. Теперь это глобальный проект, распространяющийся на Австралию, Новую Зеландию, Океанию, а также на Африку и Латинскую Америку. В отношении последних Пекин активно использует Банк развития БРИКС и формат группы БРИКС в целом, очередной саммит которой состоится в сентябре 2017 г. в Китае. Бразилия и Южная Африка рассматриваются как своего рода «окна» выхода на южноамериканский и африканский континенты.

Китайские ученые продолжают все настойчивее артикулировать идею (правда, пока не воспринятую в США) продвижения китайско-американского сотрудничества в модернизации глобальной инфраструктуры, отталкиваясь от тех заявлений Трампа, которые напрямую увязывают развитие американской инфраструктуры с экономическим ростом.

В-третьих, новым моментом в развитии инициативы «нового Шелкового пути» стали последние планы Пекина по соединению и скоординированному развитию ЭПШП и Морского шелкового пути посредством строительства инфраструктурных проектов, связывающих Китай с Южной Азией, ЮВА, а затем и с Африкой и Европой через Пакистан, Таиланд, Бирму, Индокитай.

В-четвертых, к середине 2017 г. масштабность планов ШП с новой остротой выявила нарастающую нехватку капитала для их финансирования. После майского «саммита Шелкового пути» Китай фактически переходит к новой стратегии инвестирования проектов. Если раньше акцент делался на использование подконтрольных Пекину АБИИ, Банка БРИКС и китайского Фонда ШП для финансирования развивающихся стран, то теперь Китай стремится к привлечению капитала развитых государств для осуществления совместных с Китаем проектов в формате его инициативы. Тем самым Пекин переходит от политики одностороннего инвестирования бедных

к политике привлечения инвестиций богатых для организации многостороннего взаимодействия.

Прогноз на будущее

В среднесрочной перспективе стратегия «Пояс и Путь» («Один пояс, один путь») может быть реализована, но с ограничениями. При ее реализации будет создана сеть двусторонних договоров и зон свободной торговли, однако, полноценное интеграционное межгосударственное объединение сформировано не будет. Вместе с тем даже ограниченная реализация проекта приведет к значительным изменениям мирового экономического ландшафта.

Прежде всего, создание дополнительного спроса на продукцию китайской промышленности в странах Центральной Азии, ЕАЭС, Восточной Европы и Закавказья в существенной степени снизит критичность проблемы избыточных мощностей в Китае. Удовлетворение спроса на продукцию китайской промышленности будет поддерживать темпы прироста китайского ВВП. А благодаря расширению спроса в рамках крупных инфраструктурных проектов будет создан дополнительный стимул для увеличения выпуска высокотехнологичных товаров и повышения их доли в общем объеме китайского экспорта.

Произойдет изменение структуры и направления китайского экспорта. Доля США и ЕС в общем объеме экспорта из Китая снизится (при сохранении их лидирующих позиций) в пользу стран Центральной Азии, ЕАЭС, Восточной Европы и Закавказья.

Продолжится изменение корпоративной карты региона. Вслед за китайскими прямыми инвестициями при реализации проекта в страны Центральной Азии, ЕАЭС, Восточной Европы и Закавказья придут китайские транснациональные корпорации, а также средний и малый бизнес. Китайские компании будут играть роль лидеров проектов, оказывая консультационную, торговую, технологическую, инжиниринговую, программную и другие виды поддержки странам и компаниям-партнерам.

Уменьшится поток внутренней миграции в Китае. Развитие внутренних провинций приведет к уменьшению количества трудовых мигрантов в Китае и расширению внутреннего потребительского спроса. Это вызовет дефицит и удорожание рабочей силы в

приморских провинциях и, следовательно, приведет к росту производственных издержек и удорожанию продукции восточных районов Китая. Темпы прироста ВВП востока страны снизятся в пользу севера и северо-запада.

Реиндустриализация внутренних провинций Китая ускорится – во внутренних районах Китая будет создаваться новое производство с ориентацией сбыта на страны Центральной Азии, ЕАЭС, Восточной Европы и Закавказья. Структура и направления экспорта будут формироваться в соответствии с новыми транспортно-экономическими коридорами. Будет происходить взаимопроникновение т.н. «промышленных колец» в региональной структуре размещения производительных сил, их пересечение и слияние. Возникнут новые мегагорода и мегаагломерации, представляя новую схему пространственной экономики: «мегагород – промышленное кольцо – ветка Шелкового пути – договор о свободной торговле или региональная ЗСТ с китайскими соседями – глобальная экономика».

Основная ветка проекта будет проходить через территорию Китая, Казахстана, России, Белоруссии и стран Восточной Европы и далее в Центральную и Западную Европу. Вследствие реализации проекта будет увеличена доля юаня в мировой торговле и финансовой системе; он станет одной из основных валют на территории реализации китайского проекта, но при этом не займет место доллара.

По фактору Шелкового пути Китай не станет абсолютным инновационным лидером, но будут совершены прорывы по прикладным направлениям в энергосбережении, программном обеспечении, связи и коммуникациях.

При реализации проекта «Пояс и Путь» будет повышена эффективность китайских крупных компаний и китайского бизнеса в целом. Например, приглашение к участию в проектах японских и южнокорейских компаний или инвесторов будет способствовать накоплению китайцами опыта работы по более современным, чем в Китае, правилам ведения бизнеса, отчетности, охраны интеллектуальной собственности и т.д.

В сфере безопасности реализация концепции ЭПШП будет способствовать снижению вероятности военного конфликта. Будет ограничен потенциал агрессивного поведения Китая при отстаивании им своих интересов, т.к. это будет ставить под угрозу реализацию

самого проекта ЭШП. Противостояние соперничающих стран будет снижаться на уровне государств, хотя параллельно будет усиливаться конкуренция на уровне бизнеса.

Роль экономики во внешней политике Китая будет повышаться. Китай не предложит новую идею глобального развития, но ЭШП будет способствовать заинтересованности Китая в поддержке хороших отношений с соседями и странами-участницами проекта. Будут выровнены отношения с Японией, Южной Кореей и некоторыми странами АСЕАН, т.к. Китай будет заинтересован в демонстрации своей доброй воли ради успешной реализации проекта.

В целом можно предположить, что «глобальное пространство ШП» не будет стремиться к жесткому наднациональному регулированию. В то же время его реализация будет способствовать взаимопроникновению и росту взаимозависимости национальных экономик – участниц проекта.

«Морской Шелковый путь XXI века»: вопросы безопасности

Теоретическое измерение (обзор современных дискуссий)

Большое количество научных работ, посвященных исследованию китайской инициативы «Пояс и путь» («Один пояс, один путь», или ОПОП) в целом, и к двум ее компонентам («Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века») в частности, предоставляют разные, порой противоречащие друг другу взгляды, касающиеся теоретического изучения данной стратегии и ее концептуального содержания.

Эксперты в своих исследованиях в основном делают акцент на отдельные, прежде всего экономические аспекты инициативы. При этом все большее внимание начинает уделяться гуманитарным вопросам и проблемам безопасности.

Так, например, китайские эксперты проявляют интерес к изучению географической составляющей инициативы «Один пояс, один путь». В исследовании Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук определяются следующие приоритетные направления развития китайской

инициативы и стратегические партнеры.¹ Это Индонезия в Юго-Восточной Азии, Австралия в южной части Тихого океана, Казахстан в Центральной Азии, Пакистан в Южной Азии, Польша в Центральной Европе, Иран в Западной Азии, ЮАР в Африке и Бразилия в Латинской Америке.

Очевидно, что данная градация по своему содержанию не является чем-то новым – достаточно, не будучи экспертом в этой области, взглянуть на географическую карту и понять основные направления реализации МШП. Однако проведенное исследование, опубликованное в форме научного доклада и представленное на ряде международных конференций, позволяет сделать вывод о попытках китайских экспертов придать инициативе конкретное концептуальное оформление, задействуя потенциал контактов в формате «полуторной дорожки».

Параллельно в американских экспертных кругах также идут дискуссии по поводу возможной геополитической конкуренции между китайской инициативой «Один пояс, один путь» и американским проектом «Нового Шелкового пути», основная цель которого – превратить Афганистан в своего рода «экономический хаб» на пути следования энергоресурсов из стран Центральной Азии в Юго-Восточную Азию.

Исходя из этого, важно не упускать из вида два ключевых компонента инициативы ОПОП – политическое измерение и аспект безопасности. Важность данного вопроса подтверждается тем, что председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи на открытии глобального форума «Один пояс, один путь» упомянул, что одним из принципов, в соответствии с которым Китай должен реализовывать свою инициативу, является «поддержание мирной обстановки на территории стран, расположенных вдоль Шелкового пути».

Уже сегодня можно видеть, что европейские эксперты стали проявлять повышенный интерес к политическим аспектам стратегии этой стратегии, делая первые попытки изучить последствия реализации проекта для Европы не только в экономике, но и в сфере безопасности. Как отмечают некоторые европейские исследователи, «Европейскому союзу следует серьезно относиться к китайской

¹ Выступление проф. Фена на форуме "Один пояс, один путь", г. Сиань, КНР, 2016 г.

инициативе «Один пояс, один путь» с целью привлечения ее ключевых игроков (Китая, России и Индии) к созданию более стабильного глобального порядка за счет (1) предложения своего собственного стратегического взгляда, касающегося безопасности в Евразии, (2) мониторинга реализации данной инициативы и (3) выдвижения предложений для ее институционального оформления».²

В ближне- и среднесрочной перспективе можно говорить о том, что активизируются теоретические исследования инициативы «Один пояс, один путь». Эксперты будут стараться придать ОПОП форму законченной стратегической концепции. Исследование ОПОП выйдет за рамки изучения исключительно экономической составляющей китайской инициативы. Теоретические исследования инициативы «Один пояс, один путь», вероятно, будут вестись одновременно с изучением «теоретического измерения глобального лидерства Китая», которое пока не имеет конкретного концептуального доктринального оформления и содержания.

«Морской Шелковый путь XXI века» (МШП)

«Морской Шелковый путь XXI века» (МШП) предусматривает создание двух морских маршрутов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», первый из которых должен пройти через Южно-Китайское море в южную часть Тихого океана, а второй – через Южно-Китайское море в Индийский океан и далее в страны Ближнего Востока и Африки. Реализация данного проекта напрямую связана с вопросами безопасности в Юго-Восточной Азии, таких как территориальные противоречия в Южно-Китайском море, наличие нетрадиционных угроз безопасности (пиратство, морской терроризм, транснациональная преступность).

Морской Шелковый путь является своего рода увеличением военно-политической составляющей глобального лидерства КНР, подтверждением чему может служить открытие военных баз в Южной Азии (Гвадар), Африке (Джибути), а также укрепление своих позиций на Ближнем Востоке.

² Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU–China cooperation prospects // Stockholm International Peace Research Institute / The Friedrich Ebert Foundation. 2017.

В то же время активность Китая вызывает опасения у стран АСЕАН, Индии и США. В АСЕАН используется образное сравнение действий Китая в Южно-Китайском море с «языком коровы», который слизывает все, что находится рядом. На этом фоне во второй половине 2016 г. наблюдается замедление китайской активности в рамках проекта МШП. Акценты смещаются в пользу сухопутного направления.

По вопросу реализации «Морского Шелкового пути XXI века» у экспертов есть разные точки зрения, одну из которых можно охарактеризовать как общее взаимовыгодное развитие и сотрудничество. По мнению китайского руководства, строительство Морского Шелкового Пути, прежде всего, позволит смягчить противоречия между Китаем и странами-участниками территориальных споров в Южно-Китайском море, а также приведет к развитию морского сотрудничества и между странами, которые расположены вдоль МШП, и к укреплению морской безопасности.

В соответствии с другой точкой зрения, Морской Шелковый путь, прежде всего, является неотъемлемой частью развития потенциала военно-морских сил КНР и увеличения способности вооруженных сил Китая проецировать силу на дальние расстояния.

Прогноз на будущее

«Морской Шелковый путь XXI века» останется неотъемлемым компонентом реализации глобального лидерства Китая и обеспечения безопасности его морской торговли.

МШП будет служить каналом укрепления военно-политических позиций Китая в мире.

Рост Китая, вероятнее всего, будет продолжать вызывать опасения у стран АСЕАН и Индии, что может активизировать индо-американское военное и военно-техническое сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе.

КОРЕЯ

Стратегия ядерной безопасности

После 2008 года ситуация вокруг ракетно-ядерной проблемы неуклонно деградирует. Это – проведение КНДР пяти ядерных испытаний, увеличение числа пуска ракет различной дальности, классов и модификаций (24 только в 2016 году), заявления Пхеньяна о готовности применить ракетно-ядерное оружие против США и американских баз в Японии. Ситуация усугубляется полным разрывом между КНДР и РК, свертыванием всех каналов коммуникаций между сторонами для предупреждения «нештатной ситуации». В настоящее время не имеется никаких эффективных механизмов кризисного регулирования на полуострове, ситуация вокруг ядерной безопасности пущена на самотек при отсутствии сколь-либо перспективных идей и инициатив в области ее возвращения в контролируемое русло. На этом фоне наблюдается заметное повышение военной активности США и их союзников на Корейском полуострове и вокруг него, консолидация усилий в рамках «тройки» США – Япония – РК, что, в свою очередь, вызывает повышенную нервозность Москвы и Пекина.

По степени хронической неподготовленности мирового сообщества и вовлеченных держав решать ЯПКП, она не знает себе равных. После провала шестисторонних переговоров в начале 2009 года все концептуальные проработки в странах-участницах процесса фактически не выходили за рамки сырых домашних заготовок, едва ли имевших стратегическую перспективу.

Китай преимущественно ратовал за возобновление шестистороннего переговорного процесса и нахождение компромиссных развязок между КНДР и США на основе замораживания ракетно-ядерных программ Пхеньяна и свертывания военных учений, проводимых Вашингтоном и Сеулом. Для китайцев, как и в прошлом, идеальным было бы проведение неспешного диалога под своим патронажем. Это позволяло бы выпускать накопившийся пар, создавать имитацию движения при отсутствии четко поставленных целей и обеспечивать свое лидерство в процессе, контроль над всеми игроками, но при этом не брать на себя реальную ответственность за сложные или обременительные решения.

Китай оказался в ситуации выбора между нежеланием иметь под боком беспокойного соседа и опасениями, что развал северокорейского режима из-за внешнего давления окажется «пострашнее ядерного оружия в руках Пхеньяна». В итоге – ситуация «буриданова осла», который не может сделать решительный выбор в пользу одного из двух вариантов. Такая «нерешительность» может сохраняться до тех пор, пока развитие ситуации не поставит на карту коренные интересы Китая, что может произойти в случае нестандартных действий как КНДР, так и США. Тем более что очевидных дивидендов она не приносит: американцы критикуют Китай за непоследовательность и половинчатость в подходе к северокорейским авантюрам, а Пхеньян – за «предательство» интересов партнера.

Россия занимает позицию, во многом близкую к китайской: «комплексное урегулирование существующих проблем политико-дипломатическими средствами с учетом озабоченностей всех вовлеченных сторон». То есть Северная Корея и ее западные оппоненты рассматриваются как стороны, несущие каждая свою долю ответственности за патовую ситуацию вокруг ЯПКП. Соответственно, Москва предлагает заняться поиском новой, конструктивной стратегии выхода из нынешнего тупика в русле общей военно-политической разрядки и демонтажа конфронтационной архитектуры в регионе.

Конкретного плана действий у российской стороны, как и у других участников, в настоящее время не имеется, по крайней мере на официальном уровне. Вместе с тем, на экспертном уровне и в рамках «полуприкрытой дорожки» российскими участниками прорабатываются различные модальности так наз. «пакетного решения», что подразумевает всеобъемлющее урегулирование всех основных проблем Корейского полуострова, в том числе и тех, которые достались от прошлого, и которые так или иначе затрагивают коренные интересы вовлеченных сторон. Это, в частности, окончательное «закрытие» наследия корейской войны через заключение мирного договора; взаимное признание КНДР и РК, установление межгосударственных отношений; дипломатическое признание Пхеньяна США и Японией; демонтаж северокорейских ракетно-ядерных программ в обмен на предоставление юридически обязывающих гарантий безопасности и оказание КНДР экономической помощи, включая поставку ЛВР; свертывание военной деятельности

США и РК в регионе и проведение переговоров о радикальном сокращении военных потенциалов Севера и Юга Кореи.

Эта программа-максимум пока не выдвигалась российской стороной на официальном уровне и не стала предметом серьезного обсуждения в рамках полуторной или второй дорожек по причине скептического отношения к столь сложному и неоднозначному продукту со стороны политиков и экспертов. Согласно большинству оценок, вести дело к пакетному решению столь непростых вопросов сейчас невозможно ввиду острых противоречий по всему комплексу тем, разделяющих конфликтующие стороны. Кроме того, ввиду быстрой динамики событий – все более опасной деятельности КНДР в ракетно-ядерной степени – необходимо первоочередное решение именно этой проблемы, представляющей основной вызов для международного мира и безопасности.

Позиция России в настоящее время определяется тем, что северокорейские авантюры не представляют для нее непосредственной военной опасности, если не считать угроз техногенного характера (радиоактивное заражение, падение частей и обломков ракет на нашей территории или в территориальных водах). Вместе с тем, как депозитарий ДНЯО Москва, считает для себя принципиально важным участвовать в любом многостороннем диалоге по ЯПКП и сопряженным вопросам.

В числе основных опасений: переход Пхеньяном определенных «красных линий» в процессе тестов ОМУ и вероятность неадекватной военной акции США на действия КНДР; нежелательные геополитические последствия урегулирования ядерного кризиса без российского участия или при пассивной роли Москвы. Эти неопределенности постоянно побуждают МИД РФ к постоянному продуцированию активности, пусть даже с минимальным или нулевым результатом, вербальному выражению «озабоченностей».

При этом профилирующая стратегия состоит в подготовке необходимых условий и атмосферы для возобновления деятельности рабочей группы в рамках шестисторонних переговоров по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, в которой изначально председательствует Россия. Тем не менее, наш регулярный зондаж на этот счет пока наталкивается на вежливый отказ: «шестисторонка» свернута, и поэтому вопрос о задействовании

ее инструментария на повестке дня сейчас не стоит. Фактически же (и в этом имплицитно едины и США, и Китай), активизация этого формата нежелательна, поскольку приведет к «неоправданному» повышению роли России в делах субрегиона и ее влияния на текущие процессы.

Страны «тройки» (США, РК и Япония) занимают в целом сходные позиции, которые координируются и подправляются в рамках регулярного диалога по военно-политическим вопросам на различных уровнях. Традиционно стратегия сводилась к разработке и проведению среднесрочных мероприятий в отношении КНДР в алгоритме использования «кнута и пряника». При этом с течением времени соотношение стимулов и мер давления менялось в пользу неуклонного повышения доли последних. Ставка делалась как на принятие санкционных резолюций по линии СБ ООН, так и на принятие собственных жестких мер, призванных купировать возможности КНДР по производству ОМУ и средств их доставки. Кроме того, особое значение придавалось проведению работы с КНР с целью побудить оказать соответствующее воздействие на руководство Северной Кореи, а также перекрыть все каналы экономической помощи и сотрудничества и поступления в эту страну запрещенных предметов, товаров и технологий.

На политическом уровне США и их союзники продолжали выступать с инициативой о проведении консультаций в пятистороннем формате (США, РК, Япония, КНР, Россия) с целью выработки и реализации скоординированного курса в отношении Пхеньяна. Москва и Пекин традиционно отвергали данную идею, мотивируя это тем, что подобные действия, по факту ведущие к созданию «единого фронта», лишь антагонизируют северокорейцев, окончательно отрежут пути для возобновления диалога с их участием.

В целом же политика «тройки» характеризовалось отсутствием идей, способных привести к качественному изменению ситуации по проблеме ядерной безопасности. Инициатива оставалась за КНДР, а действия США и Южной Кореи чаще всего предпринимались в порядке реакции: ядерный взрыв (ракетный пуск) – протест и постановка вопроса об ужесточении санкций.

Тем не менее нынешняя динамика в развитии событий будет все более остро ставить вопрос о необходимости вывода ситуации вокруг

ЯПКП из затянувшейся паузы, особенно на фоне прихода к власти в США новой администрации и предстоящих президентских выборов в РК. Вашингтон уже сделал заявку на смену курса – Тиллерсон подчеркнул, что политика «стратегического терпения», проводимая Б. Обамой, отныне завершена.

Фактор неопределенности в отношении новых стратегий пока сохраняется, однако их контуры применительно к США, вероятно, будут определяться тем, что Д. Трамп – не сторонник выжидательной тактики и многоходовых комбинаций во внешней политике. Поэтому, скорее всего, приоритет, насколько возможно, будет отдаваться сравнительно простым и быстродействующим решениям.

Один из вариантов – заключение сделки с Пекином, однако вопрос в том, чем будут расплачиваться американцы за возможную уступчивость по корейским делам. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов вероятность закрытия северокорейской темы военным путем, тем более что в госдепартаменте почти открыто обсуждается вероятность подобной опции. Однако и противников ее задействования немало. Можно ожидать, что спусковой механизм будет запущен после того как Северная Корея крупно «подставится», например, с проведением мощного ядерного взрыва или пролетом баллистической ракеты над территорией Японии, после чего можно будет вводить план действий на случай чрезвычайной ситуации.

В среднесрочной перспективе *просматриваются следующие возможные стратегии* в целях решения проблемы ядерной безопасности.

1. Консервативная, нацеливающая на достижение урегулирования исключительно через диалог с КНДР. Слабость ее в том, что этот основной курс, проводившийся по отношению к Пхеньяну в разных вариантах в течение более 20 лет, ничего положительного не дал. Напротив, он лишь позволил северокорейцам получить выигрыш во времени для форсирования своих военных разработок. В настоящее время нет и предмета для диалога, т.к. КНДР с подобными предложениями не выступает, настаивая на том, что вопрос о ее ядерном статусе обсуждению не подлежит. Шестисторонние переговоры закончились провалом, и делать на них ставку спустя 8 лет – в условиях кардинального изменения международной среды – было бы политическим просчетом.

2. Радикальная, подразумевающая применение военной силы со стороны США и их союзников. Вполне понятно, что санкции на эту акцию со стороны СБ ООН не будет. Теоретически Вашингтон может пойти на ограниченную силовую операцию в случае проведения в КНДР крупного ядерного испытания (бомбардировка ядерного полигона или стартовой позиции МБР), однако это может принести, в самом лучшем случае, только локальный успех. Масштабная военная операция потребовала бы значительных военных и финансовых ресурсов, создания мощной коалиции держав (в том числе и для послевоенного обустройства Северной Кореи), а главное – поддержки со стороны Китая. Плюс потребуются доскональный просчет встречных рисков со стороны Пхеньяна, что затруднительно по причине дефицита информации о планах, возможностях и степени решимости руководства КНДР и ее ВС «идти до конца».

3. Комбинированная стратегия «терапевтического» вмешательства. В случае дальнейшего следования КНДР по пути «ракетно-ядерного террора» – установить режим полной внешней изоляции этой страны: закрытие сухопутных, морских и воздушных границ в обе стороны; разрыв или замораживание дипломатических отношений; прекращение всех поездок туда и оттуда; полная торговая, экономическая, финансовая блокада. Контакты с официальными представителями Пхеньяна – только через многонациональные КПП ООН, установленные на внешних границах (КНР, Россия, РК). Несмотря на некоторую «экстремальность» такого подхода, особенно для нас и китайцев, его следует воспринимать как «сильнодействующее лекарство», применение которого может вызвать осложнение, но, с другой стороны, является последней надеждой для «больного».

В долгосрочной перспективе в случае применения «интенсивной терапии» (а другие варианты пока не просматриваются) нынешняя острота вокруг проблемы ядерной безопасности в Корею должна быть снята. Тогда потребуются принципиально новые стратегии, нацеленные на уничтожение «агрессивной» военной инфраструктуры КНДР, посткризисное обустройство этой страны, ее интеграцию в международное сообщество. Следует исходить из того, что это будет весьма затратный план, который потребует тесной координации ООН и вовлеченных стран, возможно в рамках специально созданного многостороннего механизма. Трудности –

финансирование данного проекта, а также неизбежные политические разногласия между потенциальными участниками его стратегических целей.

Прогноз стратегии объединения Корея

В корейском обществе продолжают дискуссии о приоритетах политики в отношении КНДР. Вместе с тем в стране за последние тридцать лет наработаны стратегические подходы, которые в основе своей сохраняются в арсенале внешней политики Сеула в обозримой перспективе вне зависимости от смены правящих администраций. В том числе это касается ряда принципиальных вопросов, поставленных в повестку дня даже таким непопулярным лидером, как президент Пак Кын Хе. Это означает, что полемика в руководящих кругах страны касается, прежде всего, тактики, а не долгосрочного принципиального курса в отношении Пхеньяна.

Корейские элиты в своем стремлении решить весь комплекс проблем на Корейском полуострове исходят из того, что в обозримой перспективе по мере разложения тоталитарной системы и вызревания рыночных отношений неизбежно столкнется с невозможностью сохранить статус-кво внутри страны и обеспечивать тотальную изолированность от внешнего мира. В результате возникнут новые условия развития межкорейских отношений, создающих предпосылки экономической интеграции Севера и Юга, а затем и объединения Кореи. При этом в условиях подавляющего экономического и научно-технического превосходства над Севером Южная Корея рассчитывает получить возможность в решающей степени влиять на условия, параметры, этапы и сроки национального объединения. С этой целью южнокорейским министерством объединения разрабатывается комплекс перспективных мер по поэтапной адаптации социальных и экономических механизмов двух стран, преодолению несовместимости инфраструктурных, технологических, энергетических и других систем жизнедеятельности.

В свою очередь актуальной задачей становится приведение внешней политики в соответствие с решением поставленных задач. Поэтому во внешнеполитическую стратегию Республики Корея вносят необходимые коррективы.

В 2008-2016 годы в обобщенном виде внешнеполитические акценты были расставлены президентами правоконсервативных предпочтений Ли Мён Баком и Пак Кын Хе, хотя реализовать намеченное в полной мере им не удалось. С одной стороны, сохранялся курс на поддержание тесных союзнических отношений с США. Вместе с тем обозначились пределы американо-южнокорейского альянса, в том числе препятствующие формированию тройственного союза Вашингтон-Токио-Сеул. Причиной тому является не только наследие трудной истории японо-корейских отношений и наличие территориальных споров. Главной проблемой в Южной Корее видится то обстоятельство, что подобный альянс фундаментально подорвал бы отношения Сеула с Пекином, а также и Москвой, что крайне негативно отразилось бы на характере межкорейских отношений.

Отсюда потребность в расширении политических и экономических связей с Китаем и Россией в рамках евразийского направления. Корни этой концепции уходят в Nordpolitic, инициативу президента Ро Тэ У на установление официальных отношений с Москвой и Пекином (хотя термин впервые вел в оборот министр иностранных дел РК Ли Бём Сок в 1983 г. Однако в качестве стратегической концепции Nordpolitic была представлена Ро Тэ У в 1988 г.) На протяжении трех десятилетий курс на развитие отношений с северными соседями наполнялся конкретным содержанием, корректировался, интенсивность его реализации была неоднородной, возникали попятные движения, тем не менее он закрепился в качестве долгосрочного внешнеполитического приоритета Южной Кореи. Причем «евразийскость» южнокорейской дипломатии подразумевает стремление продемонстрировать отказ от ментальности (фактически) «островного государства», закодированной исключительно на гальванизацию внешней политики времен «холодной войны», намерение продемонстрировать континентальным державам (КНР и РФ) готовность к развитию партнерских отношений.

Пришедшей в 2017 г. к власти администрации Мун Чжэ Ина, несмотря на декларации о размежевании с политикой своей предшественницы, едва ли удастся выйти по основным пунктам внешней повестки дня за рамки очерченного ранее дипломатического курса. Вместе с тем южнокорейский президент предпримет усилия по решению ряда злободневных задач.

Прежде всего, будет проявлено стремление ослабить противоречия с Китаем, возникшие после размещения в Южной Корее в 2016-17 гг. американской системы ПРО ТНААД, и добиться позитивного тренда в отношениях с Россией. Во-вторых, Сеул будет стремиться, чтобы Корейский полуостров не стал сферой соперничества США, Китая и России; в-третьих, Сеул постарается возобновить диалог с Пхеньяном, однако едва ли возможны значительные уступки режиму Ким Чен Ына. Скорее Юг постарается снизить риски, связанные с деградирующей тоталитарной системой управления Северной Кореи; в-четвертых, Южная Корея будет стремиться играть активную роль в выработке «пятеркой» региональных держав (США, Китай, Россия, Япония и Южная Корея) согласованного подхода к решению проблем Корейского полуострова.

Стратегической целью будет стремление добиться, несмотря на сохранение военно-политических противоречий между региональными державами, договоренности об учете взаимных стратегических интересов на Корейском полуострове, что, в конечном счете, должно обеспечить их совместную политическую, экономическую и гуманитарную поддержку объединения Кореи, в максимальной степени реализуемой по южнокорейскому сценарию.

ЯПОНИЯ

Экономика

Главная задача в области экономики и экономической политики, которая японской политической и финансово-экономической элитой рассматривается в качестве стратегической – это преодоление затянувшейся стагнации и вывод страны на траекторию устойчивого роста. До сих пор все предлагаемые и, в определенной степени, реализуемые на практике рецепты достижения этой цели, базировались на традиционных концепциях западного экономического мейнстрима. Они представляли и продолжают представлять собой комбинацию традиционных приемов воздействия на экономическую жизнь методами монетарной, бюджетной и структурной («промышленной») политики с целью стимулирования отдельных сегментов спроса, что, по мысли правительственных и окол властных экспертов, должно, вместе и по отдельности, запустить восходящую спираль роста производства, доходов, инвестиций и производительности. Особое значение при этом придается манипулированию величиной инфляции (дефляции), курса национальной валюты и стимулированию инвестиционной активности традиционными методами «промышленной политики». Именно к этому сводится и содержание т.наз. «абэномики» - комплексной экономической стратегии, провозглашенной в качестве официальной доктрины премьер-министром Японии С. Абэ.

Тем не менее ограниченность содержания этой доктрины и ее практической действенности вызывает необходимость интеллектуального поиска новых, более общих и долгосрочных концепций экономического и, шире, социально-экономического развития страны, которые ведутся как в рамках правительственного аппарата, так и в мейнстримной политической и экспертной элите в целом. На официальном уровне это вызвало к жизни рождение концепции «абэномики 2.0» – новой итерации правительственной стратегии, которая обозначает выход на более долгосрочные и фундаментальные методы стимулирования экономического роста – через качественное совершенствование производственных факторов, в первую очередь человеческого и интеллектуального ресурса, а также технологий. Это, по мысли авторов концепции «абэномики 2.0»,

должно обеспечить реализацию желаемой «революции производительности», которая станет фактором долгосрочного экономического роста.

Пятый пятилетний план научно-технического развития Японии (на 2016-2020 гг.) в качестве генеральной задачи выдвигает «ориентацию развития науки, технологии и инноваций на обеспечение условий для достижения устойчивого и инклюзивного развития страны в условиях растущей глобальной взаимозависимости».

Документ под названием «комплексная стратегия развития науки, технологии и инноваций», датированный 2016 г., плотно «привязывает» деятельность всех ведомств, так или иначе причастных к государственной поддержке научно-технического развития, к решению двух «суперзадач» – 1) формированию в Японии «суперинтеллектуального общества» (smart society, Society 5.0) и 2) «восходящей спирали взаимоусиливающего роста и развития человеческих, интеллектуальных и финансовых ресурсов».

В качестве главного средства решения этих задач должны выступить две группы технологий - технологии киберпространства (искусственный интеллект, «интернет вещей» (IoT), сетевые технологии; технологии сбора, обработки и анализа больших массивов данных) и «технологии физического пространства» (робототехника, разработка новых устройств и приборов (device development), нанотехнологии, разработка новых материалов, оптоэлектронные и квантовые технологии).

Перечисленные технологии должны стать базисом для решения одиннадцати системных задач, а именно:

- оптимизация энергетических цепочек добавленной стоимости (energy value chain);
- создание глобальной платформы экологической информации;
- реализация концепции эффективного управления инфраструктурой – ее содержания, контроля, обновления;
- создание общества, устойчивого к негативным природным воздействиям (стихийным бедствиям и др.);
- создание высокоскоростной транспортной системы;
- новые технологии для обрабатывающих отраслей;
- комплексная система разработки новых материалов;

- создание в регионах среды обитания, способствующей охране здоровья;
- гуманизация социальных отношений;
- создание интеллектуальных («умных») систем в аграрно-промышленном комплексе;
- создание интеллектуальных («умных») производственных систем.

При этом отмечается, что из одиннадцати вышеперечисленных системных задач три (оптимизация энергетических цепочек добавленной стоимости; создание высокоскоростной транспортной системы и разработка новых технологий для обрабатывающих отраслей) являются «базовыми» («core») и должны послужить основой для решения остальных задач.

Внешнеполитическая стратегия

Внешняя и оборонная политика Японии долгое время не имела доктринального оформления: до 2013 г. не существовало документа под названием «Стратегия национальной безопасности» или «Концепция внешней политики» Японии. Несмотря на это, она не подвергалась значительным изменениям и вплоть до окончания холодной войны сохраняла такие положения, как запрет на участие в военных действиях; возложение на США задач по защите страны от нападения; поддержка деятельности международных институтов и механизмов мирного разрешения споров. Согласно наиболее распространенной в Японии точке зрения, эта стратегия была успешной, поскольку позволила стране добиться высот экономического развития, разработать устойчивые демократические институты, стать надежным и уважаемым членом мирового сообщества³.

После окончания холодной войны Япония столкнулась с рядом внутренних и внешних вызовов, потребовавших пересмотра если не основных положений внешнеполитической стратегии, то ее отдельных элементов. Наиболее серьезный вызов – «потерянное» десятилетие

³ См., напр., Samuels R. *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Ithaca. Cornell University Press, 2007. Pyle K. *Japan rising: the resurgence of Japanese power and purpose*. New York. Public Affairs, 2007.

(1991–2001 гг.) низких темпов экономического роста – значительно сократил возможности финансирования японской дипломатии, подорвав уверенность японцев в том, что именно их страна является наиболее успешной в Азии. В свою очередь, распространение в регионе ракетно-ядерных технологий, череда кризисов на Корейском полуострове, обострение нетрадиционных угроз безопасности в глазах японцев были свидетельством неспособности международных институтов поддерживать стабильность и разрешать кризисные ситуации⁴. Вместе с тем японо-американский альянс сохранил в восприятии японской политической элиты значение фундаментального гаранта национальной безопасности страны. Поддержка союза с США сильна и среди японской общественности: согласно результатам опросов, в 2015 г. около 75% японцев считали США дружественной страной, разделяющей с Японией интересы и ценности⁵.

Дискуссия, развернувшаяся в Японии в начале 2000-х гг., выявила различные представления о будущем внешнеполитической стратегии страны. Сторонники националистических взглядов считают, что Японии следует отказаться от ограничений, наложенных на государственную систему после окончания Второй мировой войны, а также проводить более активную внешнюю политику. Приверженцы этих представлений выступают за расширение возможностей сил самообороны Японии участвовать в зарубежных операциях, за увеличение обязательств в рамках японо-американского альянса. Они стремятся к обретению Токио постоянного места в Совете безопасности ООН, поддерживают посещение японскими политиками храма Ясукуни, несмотря на критику со стороны Китая и Южной Кореи. «Националисты» также считают необходимым изменить конституцию, включая антивоенную девятую статью, одобряют принятие законов о почитании государственного флага и гимна, выступают за усиление патриотического воспитания в школах. Сторонники наиболее радикальных взглядов в этой группе рассматривают возможность обретения Японией наступательных вооружений и даже ядерного потенциала. Несмотря на то, что в

⁴ Glosserman B., Snyder S. The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States. N.Y.: Columbia University Press, 2015. p. 25.

⁵ Americans, Japanese: Mutual Respect 70 Years after the End of WWII. Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii> (дата обращения: 13.05.2017).

правлящей Либерально-демократической партии Японии националистические взгляды обладают определенной популярностью, японское общество, в целом, не поощряет наращивание военных возможностей или проведение напористой внешней политики⁶.

На другом конце спектра – взгляды «пацифистов», согласно которым Япония должна следовать послевоенной траектории развития, сохранить конституцию в неизменном виде, избегать слишком активного вовлечения в международные дела, концентрируясь вместо этого на своем экономическом развитии. Сторонники этой точки зрения придерживаются антимилитаристских позиций и относятся с определенным недоверием к США, поскольку считают, что Вашингтон может вовлечь Японию в вооруженные действия, которые не отвечают ее национальным интересам. Несмотря на то что пацифизм сегодня не является магистральным течением в Японии, он продолжает оказывать влияние на стратегическое мышление политического класса и настроения в обществе.

В японском политическом дискурсе присутствует и точка зрения, согласно которой изменения внешней и оборонной политики минимальны и являются скорее реакцией на внешние силы, чем стремлением Японии занять новое место в мире. Согласно этому подходу, Японии следует признать себя «средней державой» и вкладывать усилия в поиск, основанных на сотрудничестве многосторонних подходов к решению международных проблем. Ей не нужно стремиться к роли лидера, но необходимо искать партнеров, которые смогут разделить с ней или взять на себя ответственность за обеспечение национальной и региональной безопасности. Хотя премьер-министр Синдзо Абэ не разделяет данный подход, в политической элите и сегодня можно встретить убежденных в том, что Японии не следует иметь завышенных ожиданий по поводу своего места в мире⁷.

Сторонники четвертой и наиболее распространенной точки зрения считают, что изменения японской политики в области безопасности должны носить эволюционный характер. Такой «реалистичный» или умеренный подход подразумевает медленное снятие ограничений, сдерживающих положение страны на мировой

⁶ Glosserman B., Snyder S. pp. 23-59.

⁷ Samuels R. Ibid.

арене, и постепенное увеличение вклада в решение международных проблем безопасности. Это движение должно быть взвешенным, сдержанным и не допускать дестабилизации региональной ситуации⁸.

Взгляды «реалистов» нашли отражение в Стратегии национальной безопасности Японии, принятой в декабре 2013 г.⁹ Стратегия намечала контуры обновленного внешнеполитического курса страны, провозгласив в качестве фундаментального принципа национальной безопасности «проактивное содействие миру». Обозначались меры по увеличению обороноспособности, включая строительство хорошо подготовленных сил самообороны, обладающих расширенными возможностями в области сбора информации, разведки и наблюдения, способных реагировать на широкий спектр ситуаций, угрожающих безопасности, возникающих как в мирное время, так и в случае конфликтов (в т.ч. угрозы нападения с применением баллистических ракет; угрозы, исходящие от киберпространства, космоса; угрозы в т.н. «серых зонах», которые не попадают под определение вооруженного нападения). Внимание уделялось наращиванию дипломатической активности на двусторонней и многосторонней основе, поддержке работы международных организаций, участию в миротворческой деятельности ООН, решению глобальных проблем безопасности и развития. Особо подчеркивался мирный характер внешнеполитических устремлений Японии, приверженность принципам верховенства права. Выразалась готовность возглавить усилия международного сообщества в решении проблем разоружения и нераспространения ОМУ. Новая Стратегия, по мнению ее составителей, призвана расширить возможности Японии в решении проблем безопасности, повысить статус страны на международной арене, сохранив при этом приверженность принципам мирного ведения внешней политики и разрешения споров.

На наш взгляд, умеренный подход в среднесрочной перспективе продолжит доминировать при определении внешнеполитического курса Японии. Националистам, в особенности их радикальной части,

⁸ Hirata K. Who Shapes the National Security Debate? Divergent Interpretations of Japan's Security Role // Asian Affairs: An American Review. Vol. 35, No.3, 2008. pp. 123-151.

⁹ Outline of the National Security Strategy. Defense of Japan 2015. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2015/DOJ2015_2-2-1_web.pdf (дата обращения: 11.05.2017).

будет трудно перехватить инициативу, поскольку сдержки, заложенные в государственно-политическую систему, а также преобладающие в обществе антивоенные настроения будут ограничивать процесс принятия и реализации внешнеполитических решений. Союз с США также будет сдерживать развитие японского наступательного потенциала. При этом США продолжают поощрять принятие Японией более весомых обязательств в рамках альянса, что будет служить обоснованием для дальнейших изменений оборонной и внешней политики.

Динамика преобразований во многом будет зависеть от амбиций японских премьер-министров. Активная дипломатическая деятельность Синдзо Абэ продемонстрировала, что, несмотря на существующие ограничения, глава японского государства при желании может перестраивать устоявшиеся концепции и традиции внешней политики страны.

АТЭС

Политическое будущее азиатских институтов

Обширность АТР, политическое, социальное и культурное разнообразие входящих в него стран, наличие между ними противоречий и неурегулированных споров по многим вопросам фактически исключают возможность создания здесь общеазиатских межгосударственных институтов по типу европейских (ОБСЕ, Евросоюз, НАТО), которые консолидировали бы «под одним знаменем» подавляющее большинство стран региона. Все прошлые и нынешние идеи – наши, американцев или китайцев – азиатами так или иначе отводились.

Равным образом, зондажные попытки англосаксов создать закрытые военные блоки или организации по вопросам безопасности терпели неудачу, особенно после распада биполярного мира. После кризиса 1997 года здесь сложился, по сути дела, консенсус в пользу приоритета «азиатской инициативы», подразумевающей, что главным генератором стратегий в вопросах институционального строительства в АТР будут страны АСЕАН.

В АТР реализуются и иные механизмы взаимодействия по вопросам безопасности, прежде всего система американских военно-политических союзов, которая достаточно прочно и весомо интегрирована в общерегиональный контекст. Вместе с тем, именно институты АСЕАН рассматриваются в качестве структурообразующих, учитывая их возможности выхода на консенсусные решения и ограничения притязаний глобальных игроков на «особый статус» или доминирование.

В более конкретном плане предполагалось, что азиатский процесс должен носить постепенный характер с акцентом на поиск мягких форм межрегионального взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества при категорическом отказе от создания в рамках будующих механизмов наднациональных органов.

Другие характерные особенности:

– стихийный характер азиатского процесса, при котором новые структуры дублировали ранее созданные, а их сферы деятельности и круг решаемых задач тесно пересекались;

– периферийная роль в их организации крупных держав, Японии и англосаксонских стран региона, которые, как правило, встраивались в новые механизмы на последующем этапе и изначально не участвовали в определении правил игры;

– региональные механизмы были ориентированы преимущественно на решение прагматических задач содействия экономическому росту стран-участниц в условиях внешней стабильности. Тема угроз безопасности хотя и занимала важное место в повестке дня, рассматривалась не столько как имманентный вызов, сколько под углом зрения рисков, которые желательно купировать с целью создания более благоприятной атмосферы для сотрудничества. При этом иерархия и перечень угроз для большинства носила довольно расплывчатый и размытый характер. В последнее время одним из немногих точечных источников угроз в восприятии азиатов стала деятельность Северной Кореи в ракетно-ядерной области;

– значение универсальных ценностей (либеральная демократия, права человек и пр.) азиатами признавалось, но, в отличие от Европы, они не составляли связующих скреп для региональной интеграции. До сих пор просматривается скрытый конфликт между двумя подходами: либеральная экономика в сочетании с авторитарной политической моделью и свободная рыночная экономика + политическая демократия.

Современную архитектуру взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества определяют АРФ и ВАС. Особую роль на «макрорегиональном» уровне играет форум АТЭС.

Другие созданные в регионе межгосударственные политические инструменты, такие как Диалог по сотрудничеству в Азии, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии и др., на данном этапе не сумели найти свой уникальный профиль и зарекомендовать себя в качестве эффективно действующих механизмов. Поэтому целесообразность их дальнейшего «параллельного» существования находится под большим вопросом.

Отдельный, хотя и важный, вопрос – перспективы создания межгосударственного формата для Северо-Восточной Азии для согласования основных норм и правил общения, а также подходов к урегулированию сложных проблем безопасности в субрегионе. Формально договоренность о создании такого механизма была достигнута на шестисторонних переговорах по ЯПКП в 2008 году. Соответствующая рабочая группа, созданная под председательством России, вплоть до марта 2009 года провела три заседания в целях налаживания такой работы, однако после провала «шестисторонки» все было остановлено. В настоящее время никто из участников, помимо Москвы, не высказывает реальной заинтересованности в возобновлении такой работы. Одна из причин (помимо нежелания многих отдавать инициативу в руки России) – отсутствие ясности в том, какими конкретными вопросами, если не считать северокорейских тем, будет заниматься этот гипотетический механизм. Вся работа застряла на стадии разработки и согласования Руководящих принципов взаимоотношений государств региона, сведениям которых воедино занималась российская сторона при апатичной роли остальных партнеров.

В условиях образовавшейся затяжной паузы с альтернативным проектом в данной области выступила РК, которая внесла «Инициативу по укреплению мира и сотрудничества в СВА». Предлагалось начать многостороннее сотрудничество в «легких» сферах – по вопросам новых и нетрадиционных угроз безопасности, с тем чтобы затем перейти к более сложным вопросам, включая меры доверия и другие аспекты военно-политической координации. В 2014 – 2016 гг. состоялось три межправительственных совещания на экспертном уровне, которые практических результатов не дали. Работа заглохла, а потом и вовсе была свернута ввиду после импичмента Пак Кын Хе. С предложениями начать в Улан-Баторе переговорный процесс по вопросам мира и безопасности в СВА выступала и Монголия, однако никто из потенциальных участников всерьез их не воспринял. В активе монгольской стороны – проведение нескольких встреч по «второй дорожке», в том числе с участием РИСИ.

Таким образом, на фоне политических амбиций отдельных игроков в деле организации многостороннего взаимодействия в СВА реальная работа на этом направлении по существу не начиналась ввиду жесткой заангажированности государств на свои интересы, а главное –

неопределенности перспектив с разрешением ключевой для субрегиона корейской проблемы.

В рамках первой и «полуторной» дорожек наиболее значимыми были такие площадки как «СМОА плюс», Диалог Шангри-ла, Сяньшанский форум. С участием представителей министерств обороны азиатских государств (состав варьировался) и представителей экспертного сообщества обсуждаются основные проблемы региональной безопасности, укрепления взаимного доверия, а также развития контактов и сотрудничества по военной линии.

Важный аспект – ведение внешнеполитической пропаганды. Так, в ходе 7-го Сяньшанского форума (октябрь 2016 г.) КНР и Россия провели совместный брифинг в целях противодействия планам США по размещению комплексов ПРО в Южной Корее.

На субрегиональном уровне роль института, относящегося к «полуторной» дорожке, выполнял Диалог по сотрудничеству в СВА (шесть стран). Главный «конек» – обсуждение проблематики безопасности на Корейском полуострове. Ценность этого формата усматривают в участии в его работе представителей МИД КНДР, что создает возможность для поддержания полуофициальных контактов с северокорейцами в условиях отсутствия других переговорных каналов.

На уровне «второй дорожки» одним из заметных механизмов многостороннего диалога является Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности, участники которого занимаются «обкаткой» идей, которые пока еще не созрели для вынесения на официальный уровень. В их числе такие темы, как совершенствование институциональной структуры региона; взаимодействие между уже существующими форматами; перспективы создания более эффективных межгосударственных инструментов в области безопасности. По факту, АТССБ вполне состоялся как полезный дискуссионный клуб, однако практических результатов его деятельности пока не заметно.

Таким образом, к настоящему времени в регионе сложилась пестрая и хаотично выглядящая сеть многосторонних институтов по вопросам безопасности. Несмотря на то, что их повестка предусматривает развитие взаимодействия по многим важным темам, таким как меры доверия и превентивная дипломатия, слабым моментом остается то, что, в отличие от военно-политических

альянсов США со своими азиатскими союзниками, здесь отсутствует такой важный фактор консолидации, как режим гарантий безопасности для стран-участниц.

Кроме того, азиатские структуры по своему статусу и условиям деятельности не могут являться механизмами урегулирования региональных конфликтов и кризисных ситуаций. Все решения принимаются консенсусом, а их исполнение делегируется на национальный уровень. Это в принципе приемлемо на данном этапе, когда уровень международной напряженности в регионе остается довольно низким, а в регионе фактически отсутствуют жесткие рубежи противостояния между государствами (за исключением конфликта на Корейском полуострове).

Тем не менее, система и утвердившиеся принципы работы азиатских институтов уязвимы в случае появления серьезных военных, политических или экономических вызовов общерегионального масштаба, что сразу поставило бы ребром вопрос об адекватности и даже жизнеспособности большинства действующих механизмов. Один пример, который отнюдь не выглядит полной утопией, – острая вспышка политического и религиозного экстремизма или быстрое распространение террористической угрозы в АТР из районов Ближнего и Среднего Востока.

Другой возможный сюжет – реконфигурация американо-китайских отношений (тесное партнерство по формуле G-2 либо острое противостояние). При любом из этих раскладов асеаноцентричным структурам грозит серьезное испытание на прочность, вплоть до полной маргинализации, как это произошло с движением неприсоединения после окончания холодной войны и распадом Советского Союза. В этом случае велика вероятность «растаскивания» нынешних азиатских группировок по двум лагерям – китайскому и американскому.

В случае реализации гипотетических неблагоприятных сценариев в АТР возможно практически полное переформатирование деятельности асеаноцентричных форматов. Возможно, потребуется создание обновленной организации, равноудаленной от КНР и США, – с жестким каркасом, с наднациональными органами и функциями. Не исключены пересмотр характера взаимоотношений с мега-игроками и развитыми странами региона; ликвидация или слияние параллельно

действующих форматов; оптимизация их повестки; выделение военных и полицейских формирований с подчинением общему командованию.

Впрочем, в обозримой перспективе все это представляется малореальным как с точки зрения отсутствия форс-мажорных обстоятельств, так и по причине обостренных чувств национального суверенитета и идентичности, присущих странам ЮВА, работающих на центробежные тенденции.

Еще одна обсуждаемая опция – создание общерегиональной системы коллективной безопасности (неясно, в каких географических границах) – представляется утопической ввиду разнородности интересов потенциальных участников, серьезных противоречий между многими из них и нежеланием большинства связывать себя внешними обязательствами. В будущем, однако, интегрирующими факторами, оправдывающими движение к подобному сотрудничеству, могло бы стать появление масштабной и общей для всех угрозы, включая терроризм или, например, природные, техногенные катаклизмы.

АСЕАН

Пятидесятилетний юбилей АСЕАН в 2017 г. подталкивает ее не только оценить уже достигнутые результаты, но и определить направления «апгрейда» своей политики. Он хронологически совпал с двумя факторами: ускорением исторического времени, когда события стали развиваться слишком стремительно для неторопливого асеановского стиля ведения дел, и усилением элементов конкуренции в отношениях между ключевыми региональными и глобальными игроками.

Примеров обоего рода предостаточно: после провозглашения Сообщества АСЕАН в течение 2016 – первой половины 2017 годов Северная Корея провела два ядерных испытания, произошло заключение соглашения о Транстихоокеанском партнерстве и его фактический демонтаж, Китай приступил к реализации второй фазы проекта «Один пояс, один путь», столкнувшись с фактическим противодействием Индии. Будучи проецируемой на ЮВА, такая ситуация подталкивает АСЕАН к выработке эффективного ответа.

Одним из его компонентов является идейное обновление политики АСЕАН, что проявляется на примере дискуссий в асеановских политических и экспертных кругах о текущих вопросах в международной повестке Ассоциации. Их характер и направления позволяют определить идеи, способные появиться в будущем и отражающие перспективные планы АСЕАН в увязке с эволюцией глобальных и региональных процессов.

Современные дискуссии

Темы дискуссий, развернувшихся в политических и экспертных кругах государств азиатского юго-востока, концентрируются вокруг вопроса о повышении конкурентоспособности АСЕАН как единого целого. Обсуждаемые идеи таковы.

Одна из основных тем – каким образом АСЕАН надлежит выстраивать отношения с США и Китаем. Отмечая, что приоритеты администрации Д.Трампа будут концентрироваться вокруг Ближнего

Востока, Китая, России и Северной Кореи, делается вывод, что ЮВА может потерять свою значимость для Вашингтона¹⁰. Решение США о выходе из Транстихоокеанского партнерства сигнализирует о снижении интереса США к многостороннему сотрудничеству в АТР, в том числе к асеаноцентричным диалоговым форматам и инициативам. Противоречивые сигналы американской администрации по поводу борьбы команды Р. Дутере с наркодилерами – Б. Обама критиковал действия Р. Дутерте, а Д. Трамп их поддержал – дезориентируют элиты стран ЮВА.

Важное место в дискуссиях асеановских экспертов занимает вопрос об эволюции связки США-Япония в системе американских альянсов на Тихом океане. Тот факт, что асеановские аналитики усматривают возможность активизации политики Токио в ЮВА, в том числе в формате сотрудничества с Вашингтоном¹¹, подтверждает оценки о снижении значимости ЮВА в приоритетах администрации Д. Трампа.

По поводу отношений АСЕАН с Китаем основной вопрос, которым задаются эксперты стран ЮВА, таков: будет ли Пекин придерживаться международных правил при реализации проекта «Один пояс, один путь». Китайский проект имеет долгосрочный характер, и по мере его реализации потребуются урегулирование множества проблем, причем усилиями именно международного арбитража. То, в какой степени Китай намерен придерживаться этих правил, продемонстрировала его реакция на решение Постоянной палаты третейского суда по проблеме Южно-Китайского моря.

Осознавая, что совокупный ВВП десяти стран АСЕАН, к примеру, в 2015 году был более, чем в 4,5 раза меньше ВВП КНР¹², асеановцы ожидают, что по мере укрепления своих экономических и военных возможностей Китай будет принимать во внимание

¹⁰ См., например: Tang Siew Mun. (2017) Uncertainties Ahead, but No Cause for Panic. ASEAN Focus. Issue 2. P. 4-5.

¹¹ Cook M., Suryadinata L., Izzuddin M., Le Hong Hiep. (2017) Japan Seeks Stronger Strategic Ties in Southeast Asia. ISEAS Perspective. N. 5. URL: // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEASPerspective2017_5.pdf

¹² В 2015 году ВВП АСЕАН по текущим ценам составил 2,432 трлн. долларов, а ВВП КНР – 10,983 трлн. долларов. (2016) ASEAN Economic Community Chartbook 2016. Jakarta: ASEAN Secretariat, October. P. 2. URL: <http://asean.org/storage/2012/05/13Content-AEC-Chartbook-2016.pdf>

озабоченности стран ЮВА, воздерживаясь от политики в духе худших исторических прецедентов. Для АСЕАН это тем более важно, что китайско-индийские противоречия по проекту ОБОР на фоне активизации политики Индии «действовать на Востоке» вполне способны проецироваться на Юго-Восточную Азию. И если сейчас АСЕАН «зажата» между США и Китаем по вопросам геополитики, то это может повториться в ее отношениях между Китаем и Индией уже по вопросам геоэкономики.

Вторая важная тема асеановских дискуссий концентрируется вокруг вопроса об «апгрейде» институтов АСЕАН. Обсуждается вопрос о пересмотре принципа принятия решений на основе консенсуса, а именно – применения формулы АСЕАН-Х не только в сфере экономики, но и в сфере политики и безопасности. Точки зрения на этот счет разнятся¹³, но само наличие таких дискуссий и их интенсивность свидетельствуют об актуальности этого вопроса.

Еще одна «горячая» тема касается делегирования дополнительных полномочий Генеральному секретарю АСЕАН. Сейчас его статус соответствует министру иностранных дел, в то время как саммиты Ассоциации проходят на уровне глав государств и правительств. Это снижает возможности политики АСЕАН с точки зрения принятия решений.

Для АСЕАН эта задача тем более актуальна, что, в отличие от ситуации времен «холодной войны», во многих государствах ЮВА ускорился процесс смены элит. В годы «холодной войны» многие руководители стран ЮВА были у власти в течение десятилетий, что объективно подталкивало их налаживать сложную и нюансированную систему взаимодействия, включающую взаимные компромиссы, баланс интересов, различного рода «размены» и пр. У современного поколения асеановских лидеров в условиях их частой ротации такой нацеленности нет. Это обстоятельство препятствует как выработке консенсусных решений, так и их воплощению в жизнь.

Оптимизация институтов АСЕАН должна включать обновление Хартии АСЕАН. Уроки Брекзита продемонстрировали Ассоциации, что ей необходимо прописать формальные процедуры выхода из состава Ассоциации одного или нескольких своих участников и

¹³ Подробнее см.: Hoang Thi Ha. (2017) Reconciling Consensus with New Realities. ASEAN Focus. Issue 1. P. 2-7.

выхода партнеров Ассоциации из асеаноцентричных диалоговых форматов. В своей современной редакции Хартия АСЕАН этого не содержит.

Наконец, отдельной темой дискуссий является вопрос о том, как укрепить нормативное влияние Ассоциации. Эксперты стран АСЕАН ставят вопрос о необходимости интегрировать в РВЭП основные компоненты ТТП, сделав его инициативой «высококачественного и всеобъемлющего» сотрудничества¹⁴. Оставляя в стороне вопрос о готовности всех участников РВЭП к такому шагу, примечателен сам факт обращения АСЕАН к этой теме.

Усматривая в реализации РВЭП залог успеха в формировании Экономического сообщества АСЕАН, Ассоциация предоставляет своим партнерам возможность компенсировать отсутствие ЗСТ между некоторыми из них, например, между Японией и Новой Зеландией, Японией и Китаем, Китаем и Индией. Тем самым Ассоциация позиционирует себя в качестве реального модератора процессов экономического регионализма, на деле содействуя активизации региональных хозяйственных связей.

На фоне своего пятидесятилетнего юбилея Ассоциация отчетливо осознает: ей нужно активнее разрабатывать потенциал своей «мягкой» и «умной» силы. Условия для этого благоприятные: Брекзит поколебал уверенность мирового сообщества в эффективности европейской интеграционной модели, судьба ТТП неясна, а ШОС, по крайней мере, в ближайшей перспективе, будет адаптировать свою повестку сотрудничества к расширенному составу участников. Отсюда – поиск Ассоциацией нового проекта, который дал бы ей стимул к развитию и одновременно послужил бы фактором ее внутренней консолидации.

Грядущий евразийский разворот

Констатируя эту заинтересованность, отметим главное: такие идеи должны отражать амбиции и перспективные планы АСЕАН. Основные из них зафиксированы в Дорожной карте формирования Сообщества АСЕАН к 2025 году и заключаются в повышении

¹⁴ Pambagyo I. (2017) RCEP is the Only Game in Town. ISEAS Focus. Issue 2. P. 26-27.

конкурентоспособности АСЕАН как единого целого, а также усилении ее глобальной значимости и «институционального присутствия» посредством взаимодействия с международными организациями и диалоговыми площадками¹⁵.

По сумме этих обстоятельств можно ожидать роста внимания Ассоциации к сотрудничеству на евразийском пространстве. Выделим основные причины.

В экономическом плане такое сотрудничество отвечает интересам Ассоциации, поскольку позволяет ей привлечь финансирование партнеров по диалогу для реализации инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Азии в увязке со своими перспективными планами в других регионах. С точки зрения безопасности евразийское направление становится для АСЕАН все более актуальным с учетом распространения радикального исламизма на ЮВА. Террористические акты в странах азиатского Юго-Востока, ответственность за которые взяла ИГИЛ, служат тому подтверждением.

Сказанное выше дает основания ожидать роста интереса Ассоциации к проекту, озвученному на Юбилейном саммите Россия – АСЕАН в мае 2016 года: укреплению сотрудничества между АСЕАН, ШОС и ЕАЭС¹⁶. Развитие такого формата облегчит Ассоциации выполнение ее ключевой задачи – наращивание региональной взаимосвязанности, т.к. ЮВА станет частью более широкого геоэкономического пространства, части которого инфраструктурно и институционально связаны между собой. В силу географических причин таким пространством должна стать Евразия.

В рамках схемы АСЕАН-ШОС-ЕАЭС можно прогнозировать стремление Ассоциации получить статус «движущей силы» переговоров. Если это произойдет, Ассоциация получит новую сверхзадачу, которая послужит фактором консолидации интересов ее

¹⁵ (2015) ASEAN 2025: Forging Ahead Together. Jakarta: ASEAN Secretariat, November. URL: // <http://www.asean.org/storage/2015/12/ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-final.pdf>

¹⁶ (2016) Сочинская декларация Юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». URL: // <http://russia-asean20.ru/documents/>

участников. Можно предположить, что принцип консенсуса будет пересмотрен в пользу принципа принятия решений на основе простого большинства.

Увязывая формирование консолидированного евразийского пространства с собственными проектами, Ассоциация будет стремиться адаптировать к нему повестку диалоговых площадок АСЕАН+1, АСЕАН+3, Регионального форума АСЕАН, Восточноазиатского саммита и инициативы РВЭП. По сумме всех обстоятельств можно прогнозировать, что в политическом лексиконе АСЕАН это направление будет называться формированием Транс-евразийского пространства соразвития, и Ассоциация будет выступать в качестве одного из его ключевых субъектов.

Российский вектор

Провозгласив в Концепции внешней политики РФ формирование пространства совместного развития государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в качестве одного из приоритетов¹⁷, Россия должна в принципе приветствовать активизацию евразийского вектора политики АСЕАН.

Ожидания для России в целом позитивные. Связка АСЕАН-ШОС-ЕАЭС позволит российским компаниям разработать потенциал рынков стран АСЕАН более эффективно, если эти рынки будут интегрированы с теми, которые уже освоены российским бизнесом – например, стран ЕАЭС. Участие выходцев из России в террористических актах ИГИЛ, совершенных в ЮВА, как, например, на Филиппинах в мае 2017 года¹⁸, актуализирует задачу противодействия терроризму в Евразии, в том числе с участием АСЕАН, ШОС и ЕАЭС. Положительный эффект таких мероприятий ощутит и РФ, для которой угроза международного терроризма остается актуальной. То обстоятельство, что Ассоциации может быть делегирована роль «движущей силы» формата АСЕАН–ШОС–ЕАЭС, как минимум, не противоречит российским интересам.

¹⁷ (2016) Концепция внешней политики Российской Федерации. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

¹⁸(2017) На Филиппинах рассказали о ликвидации исламистов из Чечни на юге страны. Лента. 1 июня. URL: // https://lenta.ru/news/2017/06/01/chechen_rebels/

Определяя *негативные моменты*, способные вызвать опасения России, выделим три. Первое относится к готовности РФ создать собственную «историю успеха» в модернизации ДВФО. Она должна быть увязана с движением к Стратегическому партнерству, решение о котором было принято на Юбилейном саммите Россия-АСЕАН в г. Сочи в мае 2016 года. Любое проявление нерасторопности будет интерпретировано нашими партнерами из стран ЮВА как отсутствие у России либо ресурсов, либо интереса. Таким образом, России нужно опасаться собственной инертности и малоэффективных действий.

Два других опасения связаны с сужением возможностей реализации трехсторонних проектов с Индией и Китаем в ЮВА в случае нарастания индийско-китайских противоречий по проекту ОБОР, а также возможностями эффективной координации повестки формата АСЕАН-ШОС-ЕАЭС с другими диалоговыми площадками, главным образом, ОДКБ и АСЕМ.

Определяя *предложения для российской политики*, выделим следующее. России целесообразно активизировать проработку возможностей формирования ЗСТ со странами АСЕАН. Это особенно важно с учетом того, что интерес к ЗСТ с ЕАЭС проявляют Сингапур, Малайзия и Таиланд. Перспективным шагом может стать разработка арктического направления сотрудничества со странами ЮВА. Интерес к развитию Арктики проявляет Сингапур, одним из последних примеров чего стала встреча в марте 2016 специального представителя Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике Артура Чилингарова и госминистром офиса премьер-министра и министерства труда Сингапура Сэмом Таном. В ее ходе стороны отметили, что производимое Сингапуром высокотехнологичное оборудование может и должно быть использовано для добычи арктических ресурсов. Интерес к развитию Арктики характерен и для других стран ЮВА¹⁹.

Такие действия должны сопровождаться активной пропагандой тезиса о том, что российские заявления о формировании

¹⁹ См., например: (2016) Why the Arctic's melting ice is important for Indonesia: The Jakarta Post columnist. The Straits Times. 26 October. URL: // <http://www.straitstimes.com/asia/se-asia/why-the-arctics-melting-ice-is-important-for-indonesia-the-jakarta-post-columnist>

отношений Стратегического партнерства с АСЕАН подкреплены конкретными практически-ориентированными мероприятиями, отдача от реализации которых очевидна для обеих сторон.

Усиление элементов соперничества между ключевыми мировыми игроками, характерное для современной фазы глобализации, ставит вопрос о выработке консолидирующей повестки сотрудничества. Если подтвердятся прогнозы экспертов о становлении Евразии в качестве второго полюса современного мира, спрос на услуги АСЕАН объективно возрастет. Однако на нынешнем этапе своего развития к такому повороту событий Ассоциация не готова: увязнув в решении накопившихся проблем, она ищет пути обновления идейной основы своей политики.

Как известно, если проблема принципиально нерешаема, необходимо выходить за ее рамки. Возможности перехода в обновленное качество Ассоциации может предоставить сотрудничество на евразийском пространстве с институциональным форматом АСЕАН–ШОС–ЕАЭС, интерес к которому на идейном уровне у Ассоциации будет нарастать.

Несмотря на ряд сдерживающих моментов, такой сценарий в целом будет отвечать интересам Российской Федерации. У Ассоциации и Москвы впервые за историю их взаимодействия может появиться серьезная мотивация к сотрудничеству, которая выйдет за рамки ЮВА, где заметных результатов сторонам достичь не удалось.

США В АТР

На смену достаточно статичной и «созерцательной» политике США в регионе, которая проводилась в нулевые годы, в период администрации Б. Обамы был провозглашен курс на стратегический разворот американской внешней политики в сторону АТР.

Обоснование перемены курса было сформулировано следующим образом. Процессы экономического и политического развития протекают здесь все более бурными темпами, но на этом фоне сохраняется неопределенность дальнейших перспектив, возникают серьезные вызовы и конфликтные ситуации. В условиях отсутствия адекватных механизмов региональной координации США призваны взять на себя роль «дирижера оркестра», обеспечивающего поддержание адекватной «системы управления» (management) и сохранение иерархии «балансов» в АТР.

Безусловно, одним из главных побудительных мотивов для «переоценки ценностей» стало стремительное возвышение Китая, который, быстро завершив процесс встраивания в региональные тренды, фактически стал претендовать на роль одного из гегемонов, способного поколебать позиции США в этом районе мира.

Новая азиатская доктрина Вашингтона в обобщенном виде сводилась к следующим основным положениям:

- создание более гибкой и диверсифицированной системы взаимоотношений с союзниками. В расчете на перспективу совокупность американских двусторонних альянсов в регионе мыслилась как своего рода тихоокеанское кольцо, в рамках которого Вашингтон играл бы ключевую роль в проведении политики безопасности, но при более инициативной роли своих «младших партнеров».

- выстраивание более обширной системы партнерств с ключевыми и близкими по духу игроками в регионе (Индия, Новая Зеландия, страны ЮВА и южной части тихоокеанского бассейна). Цель – образование «второго пояса» для продвижения американских интересов.

- более четкое определение алгоритма взаимоотношений с Китаем, предполагающего развитие экономического и ограниченного политического взаимодействия при сдерживании амбиций Пекина в тех областях, где это противоречило бы американским интересам.

- мягкое купирование всех возможных попыток третьих стран, прежде всего России, инициировать создание широких региональных организаций по проблемам безопасности, альтернативных американоцентричной системе. В качестве исключения допускалось создание подобного механизма для СВА, как для наиболее «проблемного» субрегиона с целью организации дополнительного рычага давления на КНДР и, возможно, для побуждения Пекина для проведения более транспарентной политики.

- борьба против торгового протекционизма и обеспечение экономических интересов США за счет выстраивания замкнутой на Америку системы транстихоокеанского партнерства.

- в области многосторонней дипломатии акцент на более активное участие в азиатских институтах – как по межгосударственной линии, так и в рамках «полуторной» и «второй» дорожек – с целью обеспечения их эволюции в направлении, отвечающем американским интересам.

- диверсификация и укрепление военного потенциала США в регионе. Со ссылкой на растущую конфликтность ставилась задача наращивания военного присутствия США, особенно в СВА и на южном направлении, а также расширения доступа в морские порты и военные базы дружественных стран тихоокеанского бассейна.

- более интенсивная работа по продвижению в регионе «американских ценностей», включая усилия по оказанию помощи государствам, переживающим переходный период, в деле укрепления демократических институтов власти, развития гражданского общества.

По прошествии пяти с лишним лет со времени выбора этого курса (осень 2011 г.) его разработчики отмечают следующие положительные результаты.

- подписание договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН;
- активизация участия в АРФ и АТЭС;
- присоединение к ВАС;

- продолжение многопланового диалога с КНР, позволившего определять направления сотрудничества и одновременно избегать углубления противоречий по конфликтным вопросам;
- «открытие» Мьянмы и вовлечение бирманской хунты в процесс политических реформ как результат целенаправленной политики распространения «универсальных ценностей»

В числе важных достижений упоминают также становление трехсторонней союзнической структуры США–РК–Япония, прежде всего, по вопросам координации политики в отношении Северной Кореи. Этот опыт был важен и в более глубоком политическом разрезе – как обкатка модели «узкоформатной» структуры под эгидой США для решения конкретных региональных проблем, в данном случае ядерной безопасности на Корейском полуострове.

Для обоснования успешности осуществляемой стратегии госдепартаментом приводились ссылки на данные опросов общественного мнения, согласно которым до 80% респондентов в среде политических элит стран Азии высказывались в пользу сохранения американского лидерства в регионе, а более половины – приветствовали наращивание американского военного присутствия.

Вместе с тем деятели администрации Б. Обамы упирали на то, что за короткий период времени столь масштабная и насыщенная программа действий могла дать только «первые всходы». Программа конструировалась в расчете на долгосрочную перспективу и была призвана носить надпартийный характер, чтобы ее реализация продолжалась вне зависимости от того, какая партия и какой лидер окажется у власти по итогам очередных президентских выборов.

Вместе с тем стратегия разворота неоднократно подвергалась основательной критике, особенно в период президентской избирательной кампании 2016 года. Ее оппоненты в политических и в экспертных кругах упирают на то, что Америке не по силам проводить одинаково активную и эффективную политику сразу на трех театрах действий: европейском, ближневосточном и азиатско-тихоокеанском. Указывают, в частности, на обременительность для национального бюджета и опасность перенапряжения сил. С другой стороны, наиболее консервативная часть американской политической элиты придерживалась мнения, что великие державы не должны осуществлять развороты или иные «кульбиты» в

своей внешнеполитической стратегии, поскольку их политика по определению носит фундаментальный характер.

В более конкретном плане высказывались претензии, что администрация Обамы не смогла предпринять решительных действий для сдерживания китайской экономической экспансии, приведшей к утечке прямых инвестиций на фоне колоссального дефицита в двусторонних торговых связях с КНР. Одной из наиболее заметных неудач была названа неспособность Белого Дома остановить разрастание военно-политического кризиса на Корейском полуострове, предотвратить реализацию Пхеньяном ракетно-ядерных программ.

Тезис о необходимости сохранения американского лидерства никем не оспаривался, но поднимался вопрос о более справедливом распределении бремени ответственности между США и их союзниками.

Не оспаривая базовый тезис о необходимости сохранения за Америкой лидирующих позиций в АТР, оппоненты демократической администрации высказывались за то, чтобы политика, проводимая в регионе, стала более практичной, рациональной и строилась бы на разумном распределении бремени ответственности между Вашингтоном и его союзниками и близкими партнерами. Эти настроения особенно усилились на фоне осложнения ситуации на Ближнем Востоке в результате сирийского конфликта и деятельности ИГИЛ, что остро ставило вопрос о перераспределении внешнеполитических и силовых ресурсов США.

Предполагалось, что США не смогут позволить себе роскошь «широкой гребенкой» подключаться к решению всех региональных проблем, а должны вести более «прицельную» политику, заточенную на те цели и задачи, которые отвечают жизненно важным американским интересам. Это, в частности, защита национального рынка от агрессивной политики конкурентов; выправление торговых дисбалансов с тихоокеанскими партнерами; надежное купирование угроз, таких как северокорейская; обеспечение безопасности морских торговых путей. Оперативное регулирование этих вопросов вместо «стратегического бездействия» Обамы позволило бы решать возникающие кризисы и конфликты интересов, не дожидаясь, пока они разовьются до опасной стадии.

Многие из этих соображений были учтены и взяты на вооружение Трампом в его избирательной программе. Хотя его конкретные подходы к

азиатским «сюжетам» пока не вполне сформировались, во главу угла, по всей вероятности, будет поставлена экономическая дипломатия.

В принципиальном плане и в расчете на перспективу речь может идти о подготовке «большой сделки» с Китаем, которая наряду с торгово-финансовой и инвестиционной повесткой теоретически включала бы и некие договоренности по злободневным региональным политическим сюжетам и вопросам безопасности. Альтернатива этому – торговые войны и противоборство за лидерство в АТР, что стало бы худшим сценарием, ведущим к истощению ресурсов обеих стран. С другой стороны, трудность решения такой гипотетической задачи вполне очевидна.

Вполне вероятно, что какой-либо новой развернутой концепции азиатской стратегии США от Трампа так и не дождутся. Скатиться в «прокрустово ложе» неоизоляционизма ему, конечно, едва ли позволят, но будущая политика, скорее всего, станет весьма прагматичной с упором на реализацию оперативных «планов действий» сообразно обстоятельствам и в зависимости от того, что его команда будет считать в тот или иной момент актуальным для воплощения принципа «Америка прежде всего».

В среднесрочной и более отдаленной перспективе политика США в АТР будет определяться такими факторами как состояние американской экономики и как производное – ресурсной базы, необходимость отвлечения последней для решения неотложных задач в других регионах (Ближний и Средний Восток), Взаимоотношения с Китаем и наличие угроз безопасности, как военного, так и нетрадиционного характера.

Можно предположить, что Вашингтон будет заинтересован в выстраивании более рациональной и менее затратной модели своего присутствия в регионе, предполагающей непосредственную вовлеченность только в те вопросы и ситуации, где это будет реально необходимо с точки зрения национальных интересов США. Помимо чисто экономической проблематики, в повестке дня останутся такие сюжеты, как Тайвань, ситуация на Корейском полуострове, международные проливы и маршруты транспортировки углеводородов.

США будут стремиться оставаться самым влиятельным игроком в регионе, во всяком случае в вопросах обеспечения безопасности и стабильности, однако бремя ответственности за реализацию этой задачи будет перераспределяться более равномерно при активном участии

близких партнеров и союзников. Это потребует создания довольно гибкой и на данном этапе не формализованной сети взаимоотношений, располагающей координационными механизмами и возможностями оперативного реагирования на возникающие вызовы. Число участников может варьироваться, однако наиболее устойчивым ядром могут стать такие страны как Япония, Южная Корея, Австралия, Вьетнам, Таиланд, Филиппины, а также Сингапур.

Возможно, расчет будет делаться на то, что в случае скачкообразного роста региональной напряженности, появления новых или обострения старых угроз, данная латентная структура будет активирована и формализована с тем, чтобы стать реально действующим инструментом региональной безопасности.

И для Трампа, и для его преемников одним из главных стратегических вопросов будет оставаться выбор долговременного алгоритма взаимоотношений с КНР. Иными словами, что лучше для Америки: признать выход Пекина на позиции второго после США азиатского лидера и на основе такого понимания налаживать взаимодействие с Китаем, если тот, конечно, согласится с выработкой взаимоприемлемых «правил игры». Или же проводить политику сдерживания, выстраивать коалиции для купирования политических амбиций КНР, ослабления его международных и внутренних позиций. В США есть влиятельные сторонники обеих точек зрения, хотя соотношение сил между ними постепенно меняется в пользу первых.

С этой точки зрения в дальнейшем полезно рассмотреть и спрогнозировать возможное содержание гипотетической «большой сделки» между Вашингтоном и Пекином как решающего фактора в установлении нового регионального баланса, тем более что такая опция окажет непосредственное воздействие на перспективы политического и экономического встраивания России в азиатско-тихоокеанские процессы.

ВЫВОДЫ

В течение ближайших 10-ти лет не возникнет преобладающей тенденции в формировании **торгово-экономической системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе** – ни *Транстихоокеанское партнёрство*, которая останется спящей структурой, ни китайский проект *Шелкового пути*, ввиду неочевидности приоритетов китайского бизнеса, ни *АСЕАН*, которая продолжит сохранять характер субрегиональной организации, не станут основными структурообразующими звеньями формирующейся торговой и экономической реальности в АТР.

Возврат к ТТП невозможен без участия США и учета интересов КНР и, гипотетически, может быть связан, в первую очередь, с активизацией американо-китайских отношений и проходить при следующих двух сценариях:

- на основе новых двухсторонних договоренностей между США и странами АТР, которые лягут в основу нового договора о ТТП;

- за счет формирования нового ТТП изначально под лидерством Китая без США, но, неминуемо, с последующим подключением Вашингтона к данному процессу.

Сама идея ТТП оказала заметное интеллектуальное влияние на китайское экспертное сообщество, в котором развернулись дискуссии о возможности участия Китая в данном варианте многостороннего сотрудничества. Аргументами тех, кто выступал «за», было то, что в договоре о ТТП присутствовали гибкие механизмы, позволяющие странам на время переходного периода следовать своим стандартам торговли.

Вместе с тем Китай активно продвигает собственную, изначально альтернативную инициативу «Пояс и Путь» («Один пояс, один путь»), включающуюся в себя проекты Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века.

Вес Китая и США в экономике АТР настолько больше веса любых других стран или объединений (АСЕАН), что без их одновременного участия в интеграционных форматах процесс региональной интеграции региона не может быть завершенным. В этом

контексте выход США в 2017 г. из ТТП (без Китая) и альтернативная китайская инициатива «Пояс и Путь», в который Китай, начиная с 2017 г., стремится вовлечь и США, не являются случайными.

В Китае считают, что Б. Обама через ТТП стремился осуществить «нормативное давление» на Китай. Сейчас вопрос в том, сможет ли Китай через свою инициативу дать нормативную альтернативу ТТП. При этом китайские нормативы менее эффективны, чем американские. Кроме того, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТАТИП) может помешать Китаю закрепиться в Европе. Китай хотел бы осуществить нормативное давление на внешний мир, но не знает, как преодолеть свое отставание в формировании бизнес-среды.

Прогноз видится в том, что Китай не пойдет по пути противопоставления нормативной составляющей своего собственного проекта США или ТАТИП. Параллельно Китай вынужден будет реагировать на стратегию двусторонних партнерств США в АТР. На этом фоне скорее будет происходить трансформация проектов Шелкового пути в некое новое качество. Например, в идею глобального *Транстихоокеанского и трансатлантического партнерства Шелкового пути* с включением в него нормативной составляющей.

Идея *Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ)* ввиду отсутствия лидера в ее продвижении, останется в среднесрочной перспективе, своего рода, запасным вариантом для ведущих региональных игроков.

Ситуация в АТР в сфере **политических институтов и институтов безопасности** отличается, прежде всего, отсутствием их четкой иерархии и последовательной институализации. Мегапроектов объединенных институтов безопасности сегодня в этом регионе нет.

В ближайшей перспективе не ожидается кардинальных изменений в этом вопросе. По крайней мере по двум причинам не стоит ждать и появления какого-либо всеобъемлющего наднационального института:

1. Страны АТР настроены сегодня больше националистически, чем глобалистски, и не проявляют последовательно отстаиваемого

стремления к формированию политических органов, способных принимать обязывающие для всех государств решения.

2. Отсутствие крупной угрозы безопасности всем азиатско-тихоокеанским странам. Северная Корея воспринимается как непосредственная военная угроза ее соседями – Южной Кореей и Японией, как угроза разрушения режима нераспространения ядерного оружия – США и Россией, как угроза техногенной катастрофы – Китаем. ИГИЛ находится на начальной стадии распространения боевых действий в Тихоокеанской Азии.

Объективно происходит формирование общих для всех источников опасности (Северная Корея) и крупной общей террористической угрозы вследствие расширения деятельности ИГИЛ на АТР. Однако объединения усилий не происходит в силу того, что традиционные двусторонние проблемы стран АТР (история, территории, границы) воспринимаются ими более остро, чем новые угрозы.

Интересы безопасности стран пересекаются, и в полях пересечения обостряются противоречия (Северная Корея, Южно-Китайское море, индо-китайская граница).

Будущее развитие политической ситуации в АТР во многом будет зависеть от того, в каком направлении – преимущественно экономическом или в комплексном военно-политическом – продолжат развиваться отношения между Китаем и США. Это будет определять, появится ли в АТР новый эксклюзивный институт, в основе которого будет лежать система двухсторонних американских альянсов, но теперь уже повернутая не против Китая при опоре на Японию и Южную Корею, а включающая Китай как новую точку опоры для США.

Без взаимодействия Китая и США невозможно и создание новых институтов безопасности. Отсюда можно предположить реанимацию старой идеи «НАТО для АТР», но в новых условиях и с вовлечением в эту структуру Китая, поскольку без Китая проект нереализуем. То, что Россия является для США, условно говоря, большим врагом для США, чем Китай, будет формировать предпосылки такого нового, точнее, возобновленного формата.

В реализации этой идеи проблемой может стать Япония, которая в силу противоречий с Китаем и наличия собственного видения своих интересов безопасности в партнерских отношениях с США, не пойдет на участие в жестких многосторонних конструкциях.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе будет наблюдаться тренд на более рациональное и сбалансированное **присутствие США в регионе**. Приверженность идее сохранения американского лидерства, но при отказе от «поворота в Азию» администрации Б. Обамы приведет к тому, что в целом присутствие США в АТР будет меньше, однако оно станет более «точечным».

Вашингтон будет сориентирован на менее затратную схему присутствия в регионе, предполагающую прямое вовлечение только в те кризисные ситуации, где это будет непосредственно угрожать интересам США: Тайвань, Северная Корея, безопасность маршрутов транспортировки углеводородов.

Базой нового варианта американского присутствия станет новое отношение с Китаем, состоящее в том, чтобы побудить Китай к *совместному отказу от взаимного сдерживания*.

В АСЕАН растет неудовлетворенность работой организации: АСЕАН находится «на задворках» американской политики в АТР; налицо исчерпание моделей развития АСЕАН как единой структуры; идеи многостороннего сотрудничества вокруг АСЕАН сегодня нереализуемы. Предметом споров остаются вопросы о том, как решать проблемы прав человека (особенно на фоне малоприменимой для АСЕАН активности филиппинского президента Дутерте), как решать спорные вопросы с Китаем по территориальным спорам и проектам «Шелкового пути» и т.д.

На этом фоне можно ожидать появления ограниченных новаторств АСЕАН, в частности:

- повышения роли Генсека АСЕАН до уровня глав государств;
- отхода от принципа консенсуса к обязывающим решениям, принимаемым большинством;
- обновления Хартии АСЕАН, имея в виду включение в нее формальных процедур, регламентирующих выход государства или группы государств из организации;

- придания инициативе ВЭРП открытого и всеобъемлющего характера, имея в виду переход к трансрегиональным проектам с участием ШОС, ЕАЭС, АСЕАН. Возможно появление идеи *Транс-евразийского партнерства*, включающего в себя все названные объединения.

В стремлении обеспечить свое лидерство на евразийском пространстве, Ассоциация будет пытаться адаптировать к объединительным процессам повестку диалоговых площадок АСЕАН+1, АСЕАН+3, Регионального форума АСЕАН, Восточноазиатского саммита и инициативы РВЭП. Однако антикитайская составляющая идейных концепций АСЕАН будет главным препятствием на пути ожидаемых новаторств.

С точки зрения внутреннего экономического и социально-политического развития, ситуация в **Китае** останется вполне прогнозируемой вплоть до 2022 г. В качестве фокуса своей внешней политики Китай будет сохранять тему лидерства, фундаментальной основой которого останется идея «Шелкового пути». Однако без внутренних демократических и в идеологии плюралистических реформ и без тесного партнерства с США эти идеи не могут быть реализуемы в полной мере.

В интеллектуальной сфере продолжится политика Китая по укреплению позиций китайских «мозговых центров» в мировой экспертной среде, что будет постепенно способствовать увеличению потенциала и развитию навыков китайских аналитиков, позволяющих прогнозировать события международно-политической жизни и производить конкретные доктринальные идеи, которых сейчас не хватает внешней политике КНР.

После ухода Си Цзиньпина с политического Олимпа ситуация в Китае может измениться. Главные корректировки произойдут по фактору усталости элиты от жесткости антикоррупционных чисток.

Вместе с этим наблюдается тенденция к укреплению влияния Си как действительно безальтернативного «ядра» партии, что может привести к ситуации, когда Си будет неформально, по опыту Дэн Сяопина, но решающим образом влиять на китайскую политику и после 2022 г.

Второй фактор перемен – возможный внутривластический кризис на Тайване, который может произойти в рамках внутривластической логики развития событий вокруг идеи независимости Тайваня.

Если победят силы, выступающие за отход от концепции «Китайской республики», представляющей в тайваньской интерпретации весь Китай, в пользу создания новой независимой «Республики Тайвань», то политическая ситуация внутри Китая обострится. Возникнет угроза стабильности самого Китая.

После 2022 г., когда Си Цзиньпин покинет по крайней мере один из своих постов – пост Председателя КНР, возможны совершенно противоположные варианты реакции Пекина на новую тайваньскую ситуацию.

С одной стороны, возможность военного ответа Пекина на независимость острова не снимается с повестки дня.

С другой стороны, мы вправе ожидать появления новых идей в развитие нынешнего курса на создание экономической основы возвращения Тайваня (интеграция, взаимозависимость материковой и тайваньской экономик), например, в варианте «новой» или «всеобъемлющей» экономической интеграции сторон.

Однако в случае действительного преобладания на Тайване настроений в пользу независимости, идеи новой экономической основы возвращения будут восприняты «в штыки» и, скорее всего, отвергнуты. В этом случае мы выходим на новую «развилку» развития событий, на новую пару противоположных вариантов реакции Пекина.

С одной стороны, условно говоря, «бюрократическое ядро партии», нацеленное на сохранение неформального лидерства Си и после 2022 г. может использовать тайваньский кризис для объявления чрезвычайного положения и упрочения позиций Си и своих собственных партийно-бюрократических позиций.

С другой стороны, тайваньский кризис может привести к появлению совершенно новых для китайской политической мысли идей. А именно: «отпустить Тайвань» ради внутривластической стабильности в Китае. Такой вариант мог бы привести к отходу китайской политической элиты от концепции «ядра партии» и дать толчок демократическим преобразованиям в Китае.

С позиций сегодняшнего дня кажется, что у сценария «либерального» варианта реакции на уход Тайваня и демократических преобразований в Китае нет шансов на реализацию. Однако такие оценки могут измениться, если принять во внимание, что вследствие тайваньского кризиса «на кону» окажется внутривосточная стабильность, а значит, способность поддерживать экономический рост и укреплять мировые позиции Китая.

Япония останется наименее динамичной силой на Транстихоокеанском пространстве. Ее политика будет продолжать определяться формулой «без провалов (*сохранение внутривосточной стабильности и медленного экономического роста*), но и без прорывов (*в плане выхода на лидирующие позиции в АТР*)».

Японии придется искать варианты ответа на главные вызовы ее историческому имиджу в АТР – имиджу «страны-агрессора». Этот поиск может либо привести к росту японского национализма и, соответственно, дальнейшей изоляции, либо к активному поиску вариантов встраивания в региональное сообщество. Однако в силу традиционалистской инертности японской политической мысли последнее вряд ли произойдет ранее, чем через 15-20 лет.

В то же время на поиск новых политических идей в Японии весьма жесткое воздействие может оказать фактор качественного улучшения китайско-американских отношений. Формирование нового реально работающего китайско-американского широкого партнерства создаст риски изоляции Японии. Националистический ответ на это чреват усугублением японской изоляции. Вместо него могут появиться идеи «лимитированного японо-китайского сближения», прежде всего, в варианте изменения на более позитивное отношение Токио к пекинской стратегии «Шелкового пути».

В среднесрочной перспективе Китай сохранит значение главного стратегического вызова внешнеполитическим и оборонным интересам Японии. Глубокое недоверие, присутствующее в массовом сознании и во взаимных представлениях элит двух стран, будет мощным разъединяющим фактором, усиливающим т.н. «дилемму безопасности». Обе страны продолжают воспринимать противоположную сторону как потенциально агрессивную, считая собственные цели исключительно оборонительными. В случае

наращивания одним государством своих военных возможностей другое будет расценивать это как потенциальную угрозу.

Недостаток политической воли, необходимой для сближения Японии и Китая, будет препятствовать продвижению региональных интеграционных проектов на тихоокеанском пространстве. Отсутствие доверия между Японией и Китаем не позволит им сблизить свои позиции по проблемам вокруг Северной Кореи, вопросам обеспечения охраны морских коммуникаций. В то же время экономическая значимость Китая для Японии будет способствовать поддержанию отношений с КНР в контролируемых рамках и сохранению диалога по важнейшим вопросам взаимодействия.

В ближайшие 10-15 лет Япония сохранит приверженность союзу с США, включая размещение американских военных баз на своей территории. Взаимодействие Японии и США в военной сфере будет ограничено задачами, связанными с обороной Японии, и будет, вероятно, включать различные виды логистической и оперативной поддержки вооруженных сил США силами самообороны Японии в пределах, разрешенных японским законодательством. Будет усилена координация действий вооруженных сил США и Японии, обмен информацией и разведанными через созданный в 2015 г. постоянно действующий координационный механизм. Будут реализованы планы союзников по наращиванию взаимодействия в сферах противоракетной обороны, противодействия терроризму, проведения международных миротворческих операций и спасательных работ, оказания гуманитарной помощи. Внимание будет также уделяться совместному реагированию на новые угрозы и вызовы, исходящие от киберпространства и космоса.

Увеличение возможностей сил самообороны Японии и расширение военно-политического взаимодействия с США несколько выправит дисбаланс в отношениях союзников, однако не приведет к его полному устранению. Не исчезнут и различия между США и Японией, связанные как с трактовкой угроз безопасности, требующих американского военного участия, так и с допустимыми границами использования японских сил самообороны в совместной деятельности.

Наибольшие опасения в Токио вызывает возможность частичного отказа США от своих союзнических обязательств в результате договоренности или «сделки» с Китаем. Вне зависимости от

того, какова объективная вероятность реализации данного сценария, в Японии считают его вполне реальным. Опасения быть оставленной один на один с Китаем будут стимулом для сближения Японии с США, где данное обстоятельство будет служить обоснованием необходимости оказать поддержку Японии и учитывать ее позицию в ходе диалога с Китаем.

В целом возможности влияния Японии на ключевые процессы на тихоокеанском пространстве в ближайшие 20 лет будут снижаться. Отстранение Японии от важнейших процессов интеграции и решения проблем безопасности будет способствовать повороту в сторону развития отношений со странами, разделяющими общие ценности как в экономике, так и в политике. Именно этим руководствовалась Япония при подписании договора о «Транстихоокеанском партнерстве», а также активизируя военно-политическое сотрудничество с Австралией, Индией и некоторыми странами АСЕАН.

Ядерная программа **Северной Кореи** в среднесрочной перспективе останется одной из главных проблем безопасности в АТР.

В настоящее время «на столе» имеется три основных сценария ее решения:

1. Коллективный военный удар по ядерным и ракетным объектам, который, стоит подчеркнуть, возможен только при условии, когда все вовлеченные в конфликт страны остро почувствуют реальную военную или техногенную угрозу, исходящую от Северной Кореи. Пока предпосылок для осуществления данного сценария нет. Китай и Россия продолжают рассчитывать на дипломатический вариант решения проблемы, а Южная Корея опасается большого урона от вероятных ответных действий Пхеньяна.

2. Введение внешнего управления, что невозможно без принятия соответствующих резолюций СБ ООН, согласования конкретных задач, обязанностей и ответственности стран, которые могли бы его осуществить, и без отсутствующей сегодня ясности в вопросах финансирования такой акции.

3. Более реалистичным представляется установление полной экономической и финансовой блокады Северной Кореи, с тем чтобы породить конфликт между политической верхушкой нынешнего

режима и той частью северокорейской элиты, которая живет за счет доходов «серой и черной» экономики и которая непосредственно пострадает в плане личного уровня жизни от полного отключения Северной Кореи от внешних рынков. Однако и этот сценарий потребует скоординированной политики всех пяти стран Северо-Восточной Азии и ясности с распределением финансовых и административно-политических полномочий и ответственности между ними на период, когда и если тотальные санкции действительно приведут к политическому коллапсу в Северной Корее.

На Юге Кореи в концептуальном пространстве в среднесрочной перспективе не будет наблюдаться конкуренции подходов разных сил к проблеме объединения. Позиция большинства в Сеуле будет определяться темпом деградации северокорейского режима. Южная Корея будет озабочена поиском вариантов снижения рисков «северокорейской деградации», рисков, которые, например, в случае коллапса на Севере, могут создать непредсказуемую ситуацию на полуострове в целом.

На этом фоне могут появиться две главные идеи относительно будущего объединения Кореи. Первая заключается в том, что в случае коллапса северокорейского режима и перехода Пхеньяна к «нормальным (рынок, открытость, гражданские свободы и т.п.) преобразованиям экономики и политики» должен быть период сосуществования в течение какого-то времени двух корейских государств в целях адаптации северокорейского общества к южнокорейским стандартам, которая скорее всего будет медленной и болезненной.

Вторая идея состоит в введении на территории Северной Кореи внешней администрации под эгидой ООН с участием Китая и, возможно, США и России. Однако этот вариант представляется возможным только в случае «сверхугроз» безопасности Южной Кореи и других соседей Северной Кореи, или в случае, если Южная Корея будет испытывать чрезмерное давление северокорейского трансформационного негатива на южнокорейскую экономическую и социальную динамику с явными угрозами для общественной стабильности Юга (*нехватка у Сеула финансовых средств на поддержку экономических преобразований на Севере, военных средств для поддержания порядка на Севере после коллапса правящего режима, зашкаливающий наплыв северокорейских беженцев и т.п.*).

В области ядерного разоружения, стратегически неприемлемого для Пхеньяна, будет происходить постепенный переход от практически не осуществимых надежд на какой-либо вариант «ядерной сделки с Пхеньяном» к более прагматическим и жестким действиям. Толчком к ним может стать активизация ядерно-ракетной активности Пхеньяна с нанесением реального ущерба (*человеческие жертвы, уничтожение имущества и т.п.*) странам-соседям Северной Кореи или США.

На таком фоне могут актуализироваться и стать политической реальностью обсуждаемые сегодня только в экспертных кругах идеи координации действий «пятерки» (Южная Корея, США, Китай, Россия, Япония) по таким вопросам военной безопасности как:

- выработка критериев, которые могут стать основой для военного удара по военному потенциалу Пхеньяна;
- ставка на коллапс северокорейского режима и пути и механизмы его осуществления и посткризисного обеспечения;
- выработка механизмов смены режима и поддержки последующих реформ;
- идеи полной финансовой и нефтяной блокады Северной Кореи как главного инструмента смены режима и т.п.

Российский ракурс

В среднесрочной и более отдаленной перспективе иерархия региональных зон интересов в АТР для России будет выстраиваться неравномерно. В наибольшей степени отсутствие динамики будет характерно для отношений с АСЕАН вследствие несовпадения главных геополитических интересов и большой геоэкономической отдаленности. Российско-американские отношения в этом регионе будут носить волнообразный характер в зависимости от зигзагов двусторонних отношений в целом.

В то же время наибольшая динамика будет наблюдаться в российско-китайских отношениях по причине набирающей темпы китайской глобальной активности, а также по вопросам, касающимся проблемы Корейского полуострова в случае нагнетания здесь ядерной опасности.

У России сегодня не просматриваются какие-либо среднесрочные возможности ускорения экономического и социального развития. Возникла своего рода «инертная пауза», когда старые рецепты не действуют, а по новым нет общественного, делового и политического консенсуса. Но пауза наблюдается также и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это дает России возможность активизировать свое участие, прежде всего в интеллектуальном плане, в ведущихся в АТР дискуссиях по тем направлениям, которые представляют для Москвы наибольший интерес. На наш взгляд, к таковым можно отнести следующие:

1. Роль госсектора в экономике. В АТР данный вопрос решается неоднозначно и является дискуссионным. России, возможно, было бы рационально опираться на подходы таких стран, как Китай, Малайзия, Сингапур, Вьетнам.

2. Проблема защиты прав интеллектуальной собственности. Задача России на этом дискуссионном поле, как представляется, состоит в том, чтобы увязать свою позицию с позициями тех государств, которые в этом вопросе уже имеют авторитет и влияние в регионе, опираясь, таким образом, на позиции лидеров. К ним относятся США, Япония, Южная Корея.

3. России было бы перспективно предложить свой вариант концептуального обоснования государственно-частного партнерства – одной из актуальнейших тем, при обсуждении которой пересекаются интересы двух доминирующих стратегий АТР: роли государства в т.н. «разгоне» экономики и роли малого и среднего бизнеса в поддержании ее стабильного динамичного развития.

4. Одной из главных причин, ослабляющих интеллектуальные позиции России в АТР, представляется ее неготовность дать всесторонние ответы на следующие вопросы. *Что такое Азиатско-Тихоокеанский регион и каково в нем место и роль России? Каков вклад Москвы в развитие данного региона сейчас и каким он может быть в будущем?*

5. Без ответа также остается вопрос: вся ли Россия присутствует и должна присутствовать в АТР или только ее тихоокеанская часть (Хабаровский и Приморский края)?

С другой стороны, к преимуществам позиционирования России в АТР можно отнести, во-первых, то, что конфликт России и Запада по Украине и расхождения по Сирии не оказывают непосредственного влияния на готовность стран Тихоокеанской Азии взаимодействовать с Россией по проблемам региональной безопасности.

Во-вторых, то, что главные угрозы России (в первую очередь, это увеличение отставания в темпах экономического развития от стран региона) носят больше экономический, чем военно-политический характер. Ракетно-ядерная программа Северной Кореи также представляет для России скорее техногенную, а не военную угрозу. При этом именно северокорейская угроза рассматривается как одна из немногих, создающих поле для взаимодействия между Россией, США, Японией, Китаем и Южной Кореей.

В-третьих, преимуществом России является участие практически во всех азиатско-тихоокеанских институтах. Более того, к России со стороны остальных региональных игроков не имеется претензий территориального (за исключением спора по островам с Японией), военного или военно-политического характера, что выводит Российскую Федерацию, в отличие, например, от Китая, из зоны постоянной критики со стороны других региональных игроков.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что если в экономике России надо «догонять регион», то в политике у России есть потенциал претендовать на позиции интеллектуального и дипломатического лидера и предлагать свои собственные варианты решения региональных проблем. При этом, учитывая то, что из АТР идет нарастающий вызов для российской интеллектуальной мысли, России важно определить допустимую степень нашей открытости региональным процессам и сформулировать круг вопросов, по которым она может пойти на уступки, а по которым – нет, а также четко обозначить, какие функции Москва готова делегировать, одномоментно или поэтапно, наднациональным органам.

В практическом плане представляется, что *стратегия России в АТР могла бы строиться* вокруг следующих узловых моментов в политике и экономике.

В политике:

- северокорейская ядерная проблема. Здесь базой для сотрудничества является единство подходов всех пяти стран (Китай, США, Южная Корея, Япония и Россия) относительно недопустимости того, чтобы Северная Корея обладала ядерным оружием. Вопрос состоит в согласовании конкретных путей решения проблемы в новом формате обозначенной выше «пятерки». Препятствием к новому многостороннему взаимодействию представляется отсутствие взаимного доверия между странами.

- формирование атмосферы взаимного доверия в военно-политической сфере и сфере безопасности между главными игроками транстихоокеанского пространства – Россией, США, Китаем, Японией, а также Южной Кореей – как посредством существующих двусторонних контактов, так и за счет новых трехсторонних (например, Россия – альянс США и Японии или Китай – альянс США и Японии и т.п.) или многосторонних (например, Россия – Китай – США – Япония) каналов общения и снятия обоюдной подозрительности.

- создание нового антитеррористического регионального формата с участием АСЕАН по вопросам борьбы с терроризмом, имея в виду, прежде всего, распространение акций ИГИЛ на Юго-Восточную, а в среднесрочной перспективе и Северо-Восточную Азию.

В экономике:

- координация внутреннего законодательства России в области экономической деятельности и защиты прав интеллектуальной собственности и правил ведения бизнеса с основными тенденциями в этой сфере в форматах АТЭС и ЭПШП, а также с учетом поиска странами региона новых интеграционных вариантов вместо «закрытого» США ТТП.

- разделение полномочий и ответственности в ведении бизнеса в АТР между федеральным центром России и Тихоокеанской Россией, в том числе в плане рациональной для нас степени открытости в отношении интеграционных процессов в АТР.

- законодательная и направляющая политическая поддержка мелкого и среднего российского бизнеса в процессах его вписывания в активно формирующееся сотрудничество экономических субъектов этого уровня в рамках АТЭС.

Научное издание

Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства

*Под редакцией
Михеева Василия Васильевича
Швыдко Виталия Григорьевича*

Доклад

ISBN 978-5-9535-0510-9

Подписано в печать 23.08.2017.

Формат 17×24. Печать офсетная.

Объем 10,5 п.л., 3,9 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 23/2017

Издательство ИМЭМО РАН

Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23